

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> приятного чтения!

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин

Вечерами внизу, где сидела дежурная, собирались командировочные, или гости, как они тут именовались. Там урчал кипятильник, за длинным столом стучали в домино, гоняли чай и трепались. Что еще делать командировочным людям осенними вечерами в таком городке, как Лыково?..

Кира заходила в дежурство Ганны Денисовны. Подруги они были. Поначалу Чижегов ничего особенного в ней не заметил. Если бы ему сказали, что вскоре он будет страдать и мучиться из-за этой женщины, он посмеялся бы, такая она была невидная. И ведь если бы ему так сказали, то наверняка ничего и не было бы. Потому что Чижегов давно перестал помышлять о чем-либо таком, обстоятельная и серьезная его натура с годами целиком приспособилась для работы и домовитости. И сам он привык, что женщины, с которыми у него бывали короткие командировочные романы, смотрели на него как на семейного человека, никаких планов им и в голову не приходило.

С ее появлением разговор за столом не то чтобы менялся, а перестраивался, в том смысле, что большей частью начинали обращаться к ней. Она из тех людей была – в каждой компании есть такие, – которые неизвестно отчего становятся центром. Кто бы что ни говорил, поглядывал на нее, ожидая от нее одобрения или какого-нибудь слова.

Потом уже, когда они выясняли, с чего же у них началось, Кира призналась, что до той истории с иностранцами она ничем не выделяла Чижегова.

Иностранцы, два инженера из ГДР, приехали на лесобиржу по закупке леса. Поместили их в единственный люкс с телефоном и радиоприемником. В лыковской гостинице иностранцы останавливались впервые. Накануне из райисполкома проверяли, инструктировали, но, конечно, предусмотреть всего не могли; поздним вечером обнаружилось, что приезжие, ничего не объяснив, выставили в коридор у дверей свои туфли и легли спать. К тому времени, когда Чижегов спустился вниз попить чаю, нашелся специалист по заграничной жизни, который разъяснил, что по тамошним порядкам обувь выставляют, чтобы ее чистили. Ганна Денисовна чистить наотрез отказалась – с какой стати, она собственному мужу сапог не чистила, да и не ее это обязанность. И нет у нее ни крема, ни щеток. За столом обсуждали ситуацию, кто посмеиваясь, кто всерьез. Что получится, если иностранцы найдут утром свои туфли и легли спать, как отзовется это на престиже гостиницы и какого мнения будут о Лыкове в Европе. Тут кто-то заметил, что хорошо, если туфли достоят до утра, очень свободно за ночь они могут исчезнуть, за всех не поручишься. Смешки смешками, а Ганна Денисовна разнервничалась, и директор гостиницы, вызванный несмотря на поздний час, тоже зачертыхался. Не пост же выставлять к этой обувке. Директор был однорукий инвалид Отечественной войны, и Чижегов, глядя на него, вдруг рассердился, встал, подошел к дверям люкса, громко постучал и вошел.

Он по-немецки сказал, что у нас не принято выставлять ботинки на ночь, каждый сам себе чистит, нет у нас такого обслуживания, рабочих рук не хватает... Сердась, он выпалил это залпом, чем напрасно смутил немцев, они оказались простыми ребятами, долго извинялись, и на завтра вечером пили со всеми чай и играли в шашки.

Но в тот вечер Чижегов стал героем. Конфузаясь от внимания, он ушел на крыльцо покурить. Вскоре вышла, собираясь домой, Кира Андреевна, спросила его, откуда он так знает немецкий. Надо сказать, что он и сам не понимал, откуда что у него взялось, специально язык он не изучал, наслушался, когда служил в армии под Берлином. Кира Андреевна позавидовала ему – великое дело способности к языкам, она, например, полностью неспособна и дочери передала свою бесталанность. За разговором не заметили, как Чижегов пошел ее проводить. Насчет дочери он вызвался помочь, у него самого было двое сыновей, он любил возиться с ребятами. Один раз он и в самом деле позанимался с ее дочкой, шестнадцатилетней модницей, пообещал еще как-нибудь заглянуть, потом на заводе началась горячка, и Чижегов так и не выбрался. Отладив регуляторы, он вернулся в Ленинград, и снова вызвали его на лыковский завод только в июне. В первое воскресенье, взяв у начальника энерголаборатории Аристархова снасти, Чижегов отправился порыбачить. Рыбак он был небольшой, нравилось ему бездумно нежиться с удочкой на берегу, энергичной его натуре для отдыха нужна была хотя бы видимость занятия. На этот раз не успел он закинуть, как потянуло, и сильно, и Чижегов, чтобы не сорвалось, сошел в воду и, чертыхаясь, проваливаясь по колено и выше, повел вдоль берега. Рыбина тащила

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru его долго; он продирался за ней по камышам, молясь лишь, чтобы жилка выдержала. Прошел под мостом, с которого ему свистели ребятишки, миновал купальни. На его счастье, речушка разделилась, и в омут рыба не пошла, а вильнула в протоку за песчаным островом. С хлюпом и треском, ломаясь сквозь ивняк, Чижегов выскочил на травянистый спуск, на этакую замкнутую кустами прогалину. Посреди нее лежала женщина. Она лежала совсем голая, раскинувшись на безветренном солнцепеке. Это была Кира Андреевна. Ему показалось, что она спит, но в это время она подняла голову. И что его поразило – нисколько не испугалась. В первый момент, правда, она дернулась, собираясь прикрыться, а потом, словно передумав, размеренно так повернулась на бок и, подперев голову, стала смотреть на Чижегова, очевидно не признав его в этом залепленном черно-зеленой тиной, всклокоченном рыбаке. Вид у него и впрямь был дикий. Он остановился, выпучив глаза, пораженный бесстыдным спокойствием, с каким она продолжала лежать, покраснел, попробовал отвернуться. Рыба, не считаясь с его переживаниями, рванула со всей отчаянностью, и леска лопнула. Чижегов поскользнулся на камне и шлепнулся в воду. Он поднимался, ругаясь от боли и досады. Кира Андреевна засмеялась. Она села, обхватив колени руками, и смеялась. Чижегов выбрался на берег, по-собачьи отряхнулся, избегая смотреть на нее, а все равно видел ее слабо загорелые груди, прижатые к коленям, складки ее живота. Он поздоровался, назвав ее по имени-отчеству, надеясь, что она смутится, но она вгляделась и, узнав его, еще пуще захохотала. Так и началось у них. Все произошло со смехом, само собой, как бы нечаянно, и вечером, засыпая, Чижегов подумал о ней, как думают о гулящих бабах, довольный главным образом собой.

Впоследствии он не раз пытал ее: так ли она вела бы себя, если бы появился не он, а кто другой. Кира все уклонялась, убеждая, что узнала его; в конце концов он добился: она сказала, что женщина она одинокая, свободная и может позволить себе. Странно, что это ее откровенное рассуждение и обидело его, и чем-то понравилось. Он подумал, что так лучше, никаких у него не будет обязательств.

Приезжал Степан Чижегов на лыковский завод примерно раз в два-три месяца отлаживать автоматические регуляторы. Почему они разлаживались, неизвестно, разные были предположения, однако с того раза, как запороли партию готовых деталей из-за неправильного режима, дирекция настояла, чтобы институт регулярно присылал человека для проверки. Летом и осенью командировки эти устраивали Чижегова – из Лыкова он привозил домой яблоки, вяленую рыбу, грибы. Зимой было хуже. Единственное, что как-то примиряло, это Кира. Нравилась она тем, что не докучала и ничего не требовала. Придет Чижегов, и хорошо; что есть, то и праздник. Никаких планов не строила, не загадывала, не было в ней ни прилипчивости, ни бабьего желания обязательно власть забирать.

И постепенно Чижегов доверился ей. Семью свою он ценил и гордился и детьми, и женой, которая вела все хозяйство и успевала работать в ателье. Она была веселой и умной женщиной, и Чижегов старался не доставлять ей никаких огорчений. После армии он, случалось, запивал и погуливал, в последние же годы не то что угомонился, а стал беречь жену и перед сыновьями не хотел показывать себя плохо.

Отношения свои с Кирой Андреевной Чижегов считал баловством, ничего более. Прошел год с лишним с того июньского дня, и Чижегову казалось, что ничего не изменилось. В Ленинграде он почти не вспоминал о Кире Андреевне. Появлялась она для него, когда он приезжал в Лыково. Уже в поезде, подъезжая, он представлял, как позвонит к ней в контору и она, узнав его голос, притворно деловым голосом условится... И тут он вспоминал, что надо было бы привезти ей что-нибудь, какой-нибудь пустяк: чулки, кофе, шариковую ручку, – было неловко, что опять он забыл, но тут же он успокаивал себя тем, что, может, и ни к чему приучать ее.

А может, и ей самой странным показался бы такой подарок. Она скучала по Чижегову, но он понимал, что говорит она так, чтобы доставлять ему удовольствие. Видимо, ее тоже устраивали их нечастые встречи, которые пока что не вызвали никаких толков. В Лыкове его мало кто знал. Заводские жили большей частью в поселке, в трех километрах от города, да и среди заводских общался он главным образом с лаборантами и Аристарховым.

В самом Лыкове они никуда вдвоем не показывались, встречались с предосторожностями. Приходя в гостиницу, Кира держалась свободно, Чижегова даже озадачивало ее искусство. За столом она заигрывала с Чижеговым, подтрунивала над ним, никак не выделяя его; нахальное это актерство вгоняло его в краску.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Кира же объясняла ему, что так оно лучше, безопаснее.

При всей своей осторожности, она ничего не боялась и ничего не стыдилась. Летом, когда они забирались вверх по реке, она купалась при нем голая, не пряча чуть отвисающего своего живота с большим белым шрамом. В ласках она тоже была бесцеремонной, жадной и нисколько не щадила Чижегова.

Утомившись, они лежали, не касаясь друг друга. Кира рассказывала о себе, о погибшем муже-летчике, о дочери, о делах своего леспромхоза, и хотя Чижегов никак не участвовал в этой ее жизни, было интересно ее слушать. Как-то она показала ему старые фотографии. На велосипедах с какими-то спортсменами; у самолета в летном шлеме; на юге в купальнике. Толстоногая курносая девчонка – сходство с дочкой было, но в пользу Киры, она была куда ярче, озорнее. Это совпадало с ее рассказами, как она охотилась с отцом и как с мужем, тогда еще женихом, вытасила из проруби маленького цыганенка...

Чижегову становилось грустно оттого, что он не знал ее в ту пору. То была нелепая, хотя и обычная ревность мужчины к тому, что молодость ее досталась другим и в этом бурном веселом прошлом его не было.

Кира, утешая, терлась холодной своей курносостью о его шею. Если бы они встретились лет пять назад, то все бы уже давно кончилось. Да и не нравились ей тогда такие серьезные, семейные, занятые важными делами, ей нужны были красавцы, весельчаки. Жесткая ладонь, закрученная от домашних стирок, от огородной лопаты, гладила, ворошила его волосы, и Чижегов чувствовал жалость к отцветающей ее женской судьбе. В такие минуты старался не смотреть на нее...

Зимой Кира часто задерживалась на работе. Однажды перед отъездом Чижегов, не дозвонясь, зашел в контору попрощаться. В комнате ее сидели пришедшие лесники, заготовители. Из раскрытых дверей тянуло дымом, парной теплыней. Стоя в сенях, Чижегов различал в шумном споре быстрый, хозяйский ее голос. Шла какая-то распря с заготовителями, и она мирила и тут же совестила, отчитывала. В сени вышел парень в шикарной нейлоновой куртке, прикурил у Чижегова и в сердцах выругал Киру: цепляется по пустякам, берется судить бабьим своим умом, ничего не смысля. Руганул ее скорее с досады и, отведя душу, вернулся, с ходу встряв в разговор. Кира наперекор всем честила какого-то инспектора. Воровать не мешает – вот и вся его заслуга. Кто не мешает, тот им и хорош. А Грекова выжили за то, что спуску не давал. На нее закричали – жить надо, мол, давать людям, тысячи кубометров на дно идут, а тут из-за десятка кряжей жизнь человеку портят. И без того у лесников нет условий. На это она им сказала, что все они получают больше, чем в любой стране, о такой зарплате канадцы, например, и мечтать не смеют. Вот тут-то и вклинился парень в куртке – откуда ей знать, тоже, мол, международный экономист; у канадцев, при их капитализме и прибавочной стоимости, жизненный уровень будь здоров... Но она с ходу подсекла его – какая с него прибавочная стоимость, при его работе он любого капиталиста по миру пустит. Ему бы там, в Канаде, и на кусок хлеба не заработать...

И так это у нее складно повернулось, что все загрохотали, а Чижегов, радуясь за нее, с обидой подумал, почему с ним у нее нет серьезных разговоров, а вот у всех этих мужиков был к ней, оказывается, и другой интерес, не такой, как у него.

На улице кружила метель. Кира провожала его до моста. У Троицкой церкви постояли в каменной нише под облупленной фреской божьей матери. Было за полночь. Городок спал. Ветер колотил оторванным железным листом. Сухой снег не падал, а поднимался в черное небо. Чижегову странно было: взрослые люди, а ведут себя будто старшеклассники; стоят обнявшись, молчат – и не скучно. Почему-то вспомнилась ему девчушка из офицерской столовой в Потсдаме, как они гуляли и он угощал ее орехами. Надя ее звали. От нее вкусно пахло земляничным мылом, она тянула Чижегова за мочки и говорила: «Ох ты, человек, два уха». Чепуха, а не забывается. И ей, Наде, может, помнится это, и она рассказывает мужу или кто там у ней теперь есть, и тот ревнует ее к Чижегову и к давней берлинской ее службе.

Ему захотелось сказать Кире что-нибудь хорошее, чтобы в одинокой своей жизни, когда у них все закончится, ей было бы что вспомнить. Но на ум приходили шутки и приговорки, которые он когда-то уже говорил жене или совсем чужие, из кинокартин...

Сразу после майских праздников Чижегова вызвали в Лыково: забарахлили потенциометры. Первые два дня он возился до вечера и не позвонил Кире. То одно, то другое, он не спешил, даже приятно было оттягивать встречу. На третий день в обед телефон не ответил. Вечером он пошел к ее дому, окна были темные. Повертелся, подождал, вернулся в гостиницу. Дежурила Ганна Денисовна. Чижегов поболтал о том о сем, наконец как бы между прочим осведомился, почему давно не видать Киры. Он догадывался, что Ганне про них кое-что известно, хотя виду она не подавала. На его притворное равнодушие, не подняв головы от вязания, обронила, что позавчера Кира уехала в Новгород. Немного потомив его, нельзя же без этого, добавила, что Кира скопила отгульные дни и решила погостить у своих.

Чижегов сел за шашки. Рядом стучали в домино, пили чай из толстых граненых стаканов, и все это привычное вечернее житье показалось Чижегову нестерпимо скучным. Он вышел на улицу, гулять не хотелось, и спать было рано. «Как же так, как же она уехала?» – тупо и обиженно повторял он, не находя объяснения. Впервые он не застал ее. Он привык к тому, что она всегда здесь, стоит ему приехать – и они увидятся, как только ему захочется. Что ж это она делает...

Назавтра его пригласил к себе на день рождения начальник энерголаборатории Костя Аристархов. Собиралась приятная компания. Аристархов был холостяк, и лаборантки взялись приготовить стол и советовались с Чижеговым, вовлекая его в свои планы. Будь Кира в городе, он бы пошел, позвонил ей, сказал, что нельзя ему не идти, и пошел, и веселился бы, вот в чем парадокс. А теперь у него всякая охота пропала. Отговорился нездоровьем и вечером кружил у ее дома, не зная, куда себя деть. Ни с кем разговаривать не хотелось. Ничего не хотелось. Такая пустота, такая тоска его забрала, что представить не мог, как еще четыре-пять дней маяться до отъезда без нее. Городок этот, Лыково, с его перекопанными улицами, которые ремонтировали много лет, с редкими фонарями, палисадниками, старым заколоченным под склад гостиним двором, стал дырой, глухоманью, непонятно было, чего ради он, Чижегов, торчит здесь. Он долго не мог заснуть. Ему вдруг подумалось: неужели и Кира вот так же томится без него, когда он в Ленинграде. Никогда раньше ему это в голову не приходило. Ей-то приходится месяцами ждать, да и когда он здесь, то ведь тоже не каждый вечер они видятся. Неужели ей тоже бывает так пусто без него, и некуда деваться, и все в неохоту? Уже почти два года так, да это ж страшно подумать, если примерить к себе. Нет, такого быть не может, успокоил он себя, у нее дом, дочь, друзья-приятели, она ж ни разу ему не пожаловалась. Но тут в памяти его возник один осенний прошлогодний день, когда они гуляли по лесу перед его отъездом, потом распрощались, и он, как всегда, пошел к железнодорожному мосту в обход, а она мимо мукомольни. Что-то Чижегов позабыл, журнал, что ли, вернулся и издали увидел, как она сидит на поваленном бревне, где он оставил ее, опустив голову, руки сцеплены... Он подходить не стал, чувствуя, что лучше не вникать, осторожно попятился и ушел, – черт с ним, с журналом. И еще кое-что было, чего он старался не замечать.

Чтобы отвлечься, он стал думать о работе. Тонкий механизм потенциометра двигался перед его глазами, все увеличиваясь в размерах. Латунные контакты величиной с бульдозер, скрежеща, ползли по медному шоссе, надвигались на Чижегова; можно было различить неровный их ход, они подпрыгивали, круглые, твердые, чем-то знакомые, а вот чем именно, он понять не успел.

То ли это привиделось во сне, то ли сообразил засыпая, но наутро он мысленно повторил, чтобы не забыть. И в автобусе, и на работе картина эта не выходила у него из головы. Он чувствовал, что это чем-то похоже на то, что творится в регуляторах. Постепенно что-то накапливается в их электронном организме и разлаживает его. Следовало бы сесть и додумать до конца. Но сейчас он не хотел ни на что подобное отвлекаться. Хоть какое открытие – не его это обязанность исследовать, искать причину. Его дело отрегулировать и сдать, и до свидания. По инструкции следовало отключать плечо за плечом, замеряя каждую цепь в определенной последовательности. Чижегов решил рискнуть. Выбрать наугад. Не совсем, конечно, наугад, а полагаясь, так сказать, на чутье. В случае удачи он выигрывал почти двое суток от положенного времени. Существовал один шанс из четырнадцати. Не повезет, тогда придется начинать сызнова, и целый день насмарку.

Старшая лаборантка Анна Петровна, подключая приборы, вопросительно посмотрела на него, Чижегов молча кивнул. Перед тем как замкнуть цепь гальванометра, Чижегов взглянул в окно. За частым переплетом синело пустое небо. В душе его замерло.

Не то чтобы он молился. Древнее чувство, переданное поколениями предков, неведомых ему, безотчетно заставляло его делать то же, что делала его бабушка, когда вот так же в крайние минуты жизни, подняв глаза к маленькому городскому небу, истово шептала. Давно позабыл он ее изначальные, всегда одни и те же слова, похожие на стих, да и саму бабушку почти не помнил, а вот это осталось: не молитва, не бог, а мольба, к судьбе своей, что ли...

Стрелку гальванометра отбросило к нужному делению. Чижегов обнял Анну Петровну. За четыре часа все было исправлено, собрано, запломбировано.

Он сдал работу и попросил Аристархова отметить командировку вперед на два дня, поскольку ему хочется заехать к приятелю под Новгород.

Сперва он сходил посмотреть Кремль, восстановленные заново башни, белую громаду Софийского собора, купил билет в Грановитую палату, но дожидаться впуска терпения не хватило. План у него был такой – встретиться с Кирикой как бы невзначай: надо же, повезло, не то чтобы специально искал, заехал город посмотреть – и нате вам, кого вижу. Пусть не поверит, зато самолюбие не ущемляло.

Сдерживая себя, походил вокруг бронзовой машины памятника тысячелетию России, где не убывали экскурсанты, толпились, разглядывали, выпрашивали про бесчисленные эти фигуры. Князя, патриарха, полководцы, композиторы неразличимой каруселью мчались перед Чижеговым. В другое время и он по книжечке опознал бы каждую историческую личность, кто есть кто, а тут на ум ничего не шло.

...Прошел час, второй, как он сидел, укрывшись за ларьком перед домом ее тетки. Ждать было приятно, как бы что-то доказывал, кивтался, потом уже сидел по-упрямому, без чувств. И когда она вышла, даже не обрадовался. Может, еще потому, что была она не одна, с целой компанией, шесть человек, трое на трое.

Ресторан «Детинец» помещался в Кремлевской башне. Под кирпичными сводами горели свечи, была удобная полутемь. Чижегов сел поодаль от Киры, пристроился к компании студентов-узбеков.

Одета Кира была нарядно, впервые он видел на ней полосатое синее с белым платье, крупные металлические бусы или ожерелье, бог его знает, как это называется, и браслет. Губы ее были накрашены грубо-вызывающе. Справляли, судя по всему, какое-то семейное торжество, чокались, Кира что-то произносила, и с ней целовались.

Чижегов заказал графинчик, угостил студентов, он быстро захмелел и все просил не обращать на него внимания. Спина его вспотела, словно оттуда, от Киры, через весь зал дышало на него жаром. Впервые он видел ее в такой обстановке, на людях; у нее шла какая-то своя жизнь, неизвестная ему, были родные, друзья. Ему-то казалось, что, когда он уезжает, ничего не происходит, все останавливается и оживает лишь при его появлении. Выходит, и без него она живет. Почти не оборачиваясь, краем глаза он видел, как ее сосед, черноусый, в вязанке, с кожаной блестящей грудью, обнял Киру.

– Вы, папаша, местный? – спросил Чижегова узбек. Чижегов обиделся – рано таких сыновей иметь, что еще за обращение. Но тут же подумал: а как, кроме папаши, называть: студент – он «молодой человек», а Чижегов – какой он человек? Сколько есть разных слов – и не хватает. Вот и ему подойти сейчас к Кирике, сказать – какими словами? Тоже нет таких слов. Мысли эти были непривычные. Он смотрел на длинные ресницы молоденького узбека, на нежные красивые его щеки и чувствовал себя старым. Папаша. Неловко извинился, распроштался.

Наверху, на балкончике заиграли гусли, ряженные в расшитые рубахи. Один гуслик был в роговых очках, другой с длинными модными баками.

Чижегов, кривя губы, подошел к ее столу, поздоровался, назвав по имени-отчеству. Ради этого мгновения все и было, оно все искупало, все ради того, чтобы увидеть, как изменится ее лицо, эти переходы радости, испуга, растерянности. Конечно, она пригласила его к столу, хотела познакомиться, разве что на миг замешкалась, и микросекунды эти обостренным чутьем своим он уловил, поняв, что он тут чужой,

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru непрошенный. Поймал напряженную улыбку ее тетки, лицом похожей на Киру, любопытство розовой толстухи с накладными волосами. Мужчины, те ничего не заметили, приняли его, должно быть, за сослуживца, усач гостеприимно, по-хозяйски велел потесниться. Почему-то это особенно уязвило Чижегова. Не скрывая усмешки, он отказался, поскольку уже откушал и не желал нарушать приятной компании, – все это ерничая: где нам, дуракам, чай пить, – и поклонился слишком низко, и, прямо держась, пошел, спустился вниз, надел пальто, взял чемоданчик.

Медлил, ожидая, выйдет ли она. Ему надо было проверить, может ли она бросить всех ради него. Для этого и говорил таким тоном, стоя у стола. Доказать, доказать всем и самому себе. А если не выйдет, что тогда?

Надо было уходить, он понимал, что самое лучшее уйти, и не уходил. И когда она сбегала вниз, Чижегов, придушив свою радость, пьяно потребовал, чтобы она оделась и пошла с ним. Не то чтоб он был пьян, у него было как бы равновесное состояние – он мог быть пьяным, а мог держать себя в руках. Ему не терпелось проверить свою власть. И этого, он чувствовал, тоже не следовало делать. Кира не перечила, вздохнула, подчинилась с охотой, уже на улице рассказала, что праздновали они серебряную свадьбу тетки, тот мужчина с усиками – племянник мужа тетки, только что приехал из Финляндии.

Чижегов почувствовал себя виноватым и еще сильнее озлился. Вместо того чтобы вернуть ее назад, он молчал и быстро вел ее через мост, в новые скучные кварталы железобетонных домов, все дальше от Кремля. Начался редкий дождь. Кира спросила, зачем он приехал в Новгород. Он услышал надежду в ее голосе и назло с усмешкой сочинил про дела на заводе, и так сочинил, чтобы не оставить ей ни малейшей надежды. Дождь полил сильнее, надо было бы переждать, но Чижегов шагал все так же размашисто, словно была у него какая-то цель. Он слышал, как она задыхалась, и ведь жалел ее, а не останавливался. Ему было бы легче, если б она плюнула и оставила его здесь, так ведь нет, она послушно спешила за ним, как бы нарочно, чтобы доконать его, чтобы он признался, прощения попросил. Ну что ж, раз она так, и он так, и посмотрим, кто кого перетакает.

Наконец она остановилась, сняла платок с головы, вытерла мокрое лицо, прическа ее развалилась, волосы обвисли. За что он мучил ее? Она так и спросила. Он стоял стиснув губы. Она посмотрела на его лицо, в котором не было ни жалости, ни любви, и заплакала.

На этом они и расстались. У Чижегова было противно и муторно на душе. Утром, подъезжая к Ленинграду, он думал о вчерашнем, о том, как хорошо ему было, когда он ждал ее, сидя на лавочке за ларьком, и как потом почему-то все получилось скверно. Он все старался понять, отчего так произошло, зачем он испортил ей праздник. Он представлял, как они могли бы вместе погулять по Кремлю в Новгороде, благо никто их не знал, могли бы ходить под руку, не таясь.

Выходя из поезда, он твердо решил позвонить ей в Лыково.

Дня через два после работы он заскочил на переговорную. Дежурная сказала, что Лыково дадут в течение часа. Чижегов подсчитал: к тому времени Кира уйдет из конторы. Да и сидеть, ожидая вызова, тоже не хотелось. Он подумал – не написать ли. Купил нарядную открытку, но словами писать такие вещи было невозможно.

В начале августа, согласно расписанию, Чижегов собрался ехать в Лыково. Перед самым отъездом он загрипповал и пролежал неделю. Как-то днем раздался частый междугородный звонок. Дома был младший сын. Слышно было, как он сказал, что папа болен. Чижегов крикнул ему, прошлепал в коридор, взял трубку. Он думал, что это Аристархов, но это была Кира. Сын стоял рядом. Чижегов откашлялся и сказал, что выздоравливает, ничего опасного, скоро придет; он ничем не выдал себя, в такие минуты он умел найтись. «Не беспокойтесь, Анна Петровна», – повторил он, вспомнив старшую прибористку. И тут он услышал, как Кира заплакала: «Я не Анна Петровна, не хочу быть Анной Петровной, не хочу». «Да, да, привет Аристархову», – ответил он и повесил трубку.

Отчаянный ее голос продолжал звучать в его ушах.

Перед отъездом он купил духи за шесть рублей и коробку конфет. Пришлось сказать

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru дома, что это просили девушки из энерголаборатории. Он иногда прихватывал в командировку кое-какие мелочи, потому что волей-неволей надо чем-то одалживаться у лаборанток.

Жена ничего не ответила, усмехнулась грустновато. Чижегов вспомнил, что с некоторых пор она перестала расспрашивать его про Лыково и больше не просила взять с собой ребят. Усмешка ее была слишком заметна, и он знал, что она знает, что он обратил внимание на эту усмешку, так что промолчать было нельзя. С привычной заботливостью она укладывала в чемодан носки, белье, но ему казалось, что делает она это еще старательней, чем обычно, как бы с укором. Руки ее, гибкие, туго обтянутые кожей, совсем молодые руки, были красивы, давно он не замечал, какие они красивые. Чтобы как-то ответить, он сказал, что нынче собирается провести испытание, есть у него одна мыслишка, потребуется помощь Аристархова и Анны Петровны, и если получится... Слушая себя, он мельком удивился, как правдиво у него выходит, даже с упреком, и все более заводился, выкладывая вслух свои мысли. Похоже было, что он убедил Валю. От ее поцелуя ему стало не по себе. Никогда раньше эти две женщины не существовали для него одновременно, никогда он не сравнивал их и не выбирал между ними, да и сейчас он не то чтобы выбирал, он впервые обнаружил, что у него есть и та, и другая и что он должен обманывать, врать, и никак не мог понять почему, что заставляет его... Почему, кроме жены, с которой ему так хорошо и спокойно и которая красива и дороже ему всех остальных, почему появилась в его жизни другая женщина, и появилась не мимоходом, не так, как бывало раньше... Зачем она так нужна ему и что же было вместо нее, когда ее не было?

Тут заключалось много непонятного, но, вместо того чтобы разобраться в этом, он в поезде опять вернулся к своему разговору с женой и обнаружил, что идея его была не отговоркой, действительно можно что-то сделать с регуляторами. Та смутная, неоформленная мысль, что тлела у него с прошлой поездки, разгорелась теперь: медное шоссе, контакты, и за ними он явственно видел тоненькую струйку тока, как след, она так и представлялась ему водяной перевитой струйкой, утекающей помимо фильтров сквозь какую-то дырку; где эта дырка, то есть утечка, он догадывался, хотя определенно не знал, но иначе быть не могло, он ощутил это с полной определенностью. Больше всего он боялся, что виновато тут статическое электричество, штука неуловимая, которую он скорее чувствовал, чем понимал, и знать не знал, как за нее ухватиться.

В лесу у них была недалеко от просеки со столбом «234» старая, заросшая кустами бомбовая воронка. Там они встречались, если дочка была дома.

На этот раз он позвонил ей сразу. Автоматов в Лыкове не было, говорил он с завода, в цеховой конторе толпился народ, но, к счастью, Кира сама взяла трубку. Голос ее был ровный, спокойный, пожалуй, слишком спокойный. Чижегов сперва обиделся, однако тут же вспомнил последний их разговор, ее плач и понял, что она все еще не может ему простить.

Он сделал вид, что ничего не заметил. Странное дело, ожидая ее в лесу, он волновался, и, волнуясь и опасаясь, как она встретит, он в то же время продолжал думать об этой утечке тока, и мысли эти, совсем посторонние, почему-то не мешали ему, даже как-то прочно сплетались с мыслями о Кире.

Она сильно загорела. Каждое лето она рано и быстро загорала, хотя загар не шел ей, делал ее похожей на цыганку. Подарки обрадовали ее и чем-то огорчили. Она поцеловала Чижегова. Обычно она почти никогда не целовалась просто так, она признавалась Чижегову, что боится целоваться, особенно с ним, потому что слабеет и начинается нетерпение, нетерпение это передавалось и ему. Все, о чем они потом говорили, было уже как сквозь шум... Но в этот раз она поцеловала его спокойно, губы ее оставались мягкими. Он решил, что она не может забыть ему Анны Петровны. Он спросил, она пожалала плечами и стала рассказывать, как ездила в совхоз на сеноуборку, работала на косилке, метала стога, и видно, что там было ей хорошо, потому что она развеселилась, руки ее напряглись, вспоминая эту работу, а потом без всякого перехода, с тем же оживлением, словно с разбегу, она-сказала, что получила предложение выйти замуж.

Пересохший мох потрескивал под ногами. В редком чистом лесу освещены были вершины сосен. Блестела хвоя, наверху золотились стволы, особенно много света

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru было в макушках берез, желто-густого, переходящего в огненный, словно верховой пожар полыхал. Внизу все было пронизано косыми длинными лучами. Отсветы скользили по блестящей обтянутой кофточке Кире, с крупными цветами, по синей ее короткой юбке, по ее гладким волосам. Чижегову запомнилась каждая подробность этой картины.

Вот и все, думал он, вот и все... Оживленный голос Кире медленно снижал, словно выдыхаясь на подъеме. Оказывается, она затем и звонила в Ленинград, посоветоваться. То есть не то чтобы посоветоваться, глупое это слово, хотела услышать от него, что он скажет.

– Ты что же, любишь его? – недоверчиво спросил Чижегов.

– При чем тут любовь, – сказала Кира. – Надоело мне одной жить. Тебя ждать надоело. Пора... Сколько можно. Надо жизнь как-то устроить. Будет в доме мужик. Плохо ведь без мужика.

– Значит, не любишь... – обрадовался Чижегов.

– Любишь – не любишь, не тот у меня возраст, – огрызнулась она и вдруг встала перед Чижеговым. – Ну что ты пытаешь? Зачем? Сам все знаешь. Можешь ты сказать: выходить мне или нет? Как скажешь, так и сделаю.

Глаза ее потемнели, и в самой глубине их металлически заблестело. Чижегов понял, что так она и сделает, так и будет, как он скажет. Сейчас все от него зависело. А что ему сказать? Не выходи? И что тогда? Он точно представил, как у них потянется дальше. Сказать такое – все равно что заставить ее чего-то ждать. А чего ей ждать? И он уже будет как привязанный. А рано или поздно, как ни тяни резину, придется кончать, расставаться. Вот тогда-то Кира напомнит ему, да если и не напомнит, разве может он брать на себя такую ответственность? Лишить человека, может, последнего шанса, и что взамен? Что он, Чижегов, может дать ей? Ничего больше того, что есть, не будет. А если согласиться, то есть подтолкнуть? Он посмотрел на нее: нет, такого она не простит, никому женщина этого не простит. И черт с ним, с прощением, подумал он, есть удачный повод покончить разом, отрубить. Когда-то ведь надо рубить – повторил он себе. И по-человечески если, по совести, то он обязан это сделать. Зачем же калечить ей жизнь?

– Еще года два-три – и кому я буду нужна? – сказала Кира, как бы помогая ему. – Отпусти меня, Степа. Мне твое слово нужно.

То, что она произносила, совпадало с тем, что он думал, но когда он услышал это от нее, его охватила тоска и чувство утраты, которое было невыносимо.

– Ты что же хочешь, чтоб я сам... Нет, я тебе не помощник... Да ты пойми, – с жаром перебил он себя, мучаясь от жалости к ней и жалости к себе. – Что я могу посоветовать? Что бы я ни сказал, все плохо.

Неподалеку, впереди детский голос зааукал, ему отозвались взрослые. Грибники или ягодники. Не сговариваясь, Чижегов, за ним Кира зашли в глубь высокого малинника и сразу же сообразили, что зря, сюда-то и идут ягодники, но выходить уже было поздно. Они стояли, прижимаясь друг к другу.

– Вот видишь, – тихо сказала Кира. – Надоело мне это. Не хочу.

Чижегов молча виновато погладил ее руку. Пробежала белка. Где-то треснула ветка. Голоса приблизились, а потом свернули, отдалились.

– Кто он? – спросил Чижегов.

– Не все ли равно... Тебе-то что... Да и мне...

– Что ж, и тебе все равно?

– И мне... Человек он добрый. Будем жить как люди. Пойти ведь в кино не с кем. Да нет, ты этого не знаешь.

Чижегов почему-то представил себе того усатого, что сидел с Кирой в ресторане.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Господи, свободная, здоровая, чего тебе еще надо. Предложению обрадовалась. Выходит, ты себя все время неравноправной считала. Из-за того, что не замужем? «Пойти в кино...» – передразнил он. – Да разве ради кино замуж: выходят? Хомут такой наденешь и в кино не захочешь. Зачем тебе это? Живешь в свое удовольствие, что может быть лучше?

– А я хочу этот хомут, хочу! – выкрикнула Кира. – Мне заботиться не о ком. Галка, ну что она, она уже взрослая. Надоело мне в свое удовольствие. Если я нужна кому... – она вдруг успокоилась, ласково, как бы уговаривая, взяла Чижегова под руку, прижалась. – Миленький ты мой, тебе этого не понять... не на кого мне себя расходовать. Пропадаю я впустую. Помнишь, ты голодный пришел в прошлый раз, для меня такое удовольствие было накормить тебя, запеканка тебе моя понравилась.

Чижегов кивал, хотя не помнил никакой запеканки и лишь ночью, засыпая, вспомнил не запеканку, а как он проснулся у Киры на кровати и увидел, как она ходит босиком по комнате, моет посуду, прибирает, и лицо у нее счастливое и чем-то гордое.

Он тогда не понял, отчего так, но сквозь полузакрытые веки любовался ее лицом и босыми ногами, которые оставляли на линолеуме маленькие матовые быстро тающие следы. И сейчас в лице ее слабо промелькнуло то самое счастливое выражение. Чижегов почувствовал, что относилось оно уже не к нему. Мысль о том, что Кира может так же целовать другого, произносить те же слова, называть «тяпкой» и тот, другой, будет видеть, как она шлепает маленькими босыми ногами, – мысль эта иглой прошила его.

Смеркалось. Они вышли к железной дороге. Тропка вдоль насыпи была узкой. Чижегов шел позади, перед ним покачивались ее плечи, под кофточкой переливалась спина.

– Чем мне возражать, нечем мне возражать, – сказал Чижегов ей в спину. – Нет у меня аргументов. Благословение тебе надо? Получай. Не бойся, я ему не проговорюсь.

– Зачем ты так...

– А что ты ожидала? Чтоб я вприсядку пустился?

Он с ненавистью смотрел на ее шею, затылок, ему хотелось ударить раз, другой, с маху, чтоб она пошатнулась, застонала, закричала, заплакала. Счастье ее, что она была спиной к нему, бить сзади он не мог – с мальчишества это твердо усвоил, – а будь она лицом, может, и не удержался бы.

Внутри у него пекло все сильнее. Они вышли на опушку. За овсяным вздувшимся полем виднелись крыши, торчала водокачка, открылся догорающий, в полнеба, закат. Тут они обычно расходились, разными дорогами возвращались в Лыково.

– Что ты за человек, – сказала Кира со злой тоской.

– А всякий, – так же зло ответил Чижегов. – Всякий я человек.

И вдруг словно сошел туман и все прояснилось перед ним. Он увидел, как они сейчас расстанутся, все кончится и наступит другая жизнь, для него другая, уже без Киры. Он понял, что теряет ее. И эта другая жизнь будет уже не жизнью. Только сейчас он открыл, как наполнены были эти два года. Впереди же теперь простиралась пустыня, мучительные часы, как тогда, в Лыкове, без нее, отныне будут длиться без конца, не часы, а месяцы, может, годы...

Что-то он произнес... С недоверием, потом со страхом он слышал слова, которые внезапно захлеб забили, рвались, обгоняя одно другое, никогда он не произносил таких слов, а тем паче фраз, и все про любовь... Это были не его слова, откуда они брались – разные, нежные, ласкательные.

Ничего он не просил у Киры, ни о чем не договаривался, просто рассказывал, как любит ее. Он не мог заставить себя замолчать. Было стыдно, и пусть стыдно, он радовался тому, что стыдно. Зачем, ради чего нужно было это объяснение – теперь, когда все решено, – он не знал. Он произносил слова, какие вырываются в минуты, когда не слышишь, что произносится, когда они ничего не означают и предназначены для той единственной минуты и дальше не существуют. А сейчас он говорил их

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отчетливо, полным голосом, слышал их и ужасался этому.

Оттого, что происходящее виделось с необыкновенной четкостью, от этого казалось, что прежняя жизнь его проходила в смутности чувств. Сыновей своих он любил, но никогда не думал об этом, он помнил, как они болели, как пошли в школу, а своих чувств не помнил. Да и были ли они? Волновался ли он, когда Валя рожала? Наверное, но он не мог вспомнить – как, – все прошедшие события казались приглушенными, неосознанными. Острым было только нынешнее, хриплый звук его голоса, выкрикивающий эти невероятные слова.

Впервые он понимал, как важно то, что происходит. Странно: чем острее он чувствовал эти минуты, тем больше его поражало, как же он жил до сих пор не видя, не страдая, не жил, а словно дремал, словно все последние годы прошли в полудреме. Что-то он отвечал, ходил на работу, развлекался, но самого его при этом почти не было. И вот сейчас – разбудили, проснулся...

И это он тоже сказал, хотя выразить это было трудно, но откуда-то набегали нужные слова, а может, Кира понимала больше, чем он говорил.

– Зачем ты мне говоришь это... – сказала она. – Не нужно. Нехорошо это, – и заплакала.

Она прижала кулаки к глазам и плакала тихо, для себя, заглатывая горечь беды, ведомой только ей.

А почему нехорошо, поразился он, чего ж тут нехорошего; хотя той свежей чувствительностью, какая появилась в нем, догадывался почему, и все же не желал признаваться, а желал говорить и говорить, ведь это же были самые наилучшие слова, и среди них главное, которого он-никогда не понимал так, как сейчас. От повторения сладость этого слова возрастала.

Кира уткнулась в кулаки, сжатые до белых косточек. Выставилась прямоугольность ее широких плеч, жилы, косо натянутые по шее. Фигура ее была хороша в движении, когда все ладно соединялось, играя силой и ловкостью. Сейчас же, застыв, она стала нескладной, грубой.

– Сам приучал меня не загадывать нас обоих наперед, – она отняла кулаки, без стеснения открыв мокрое, в красных пятнах лицо. – Приучил. Оба мы привыкли... Что ж ты делаешь, Степа? Затягиваешь меня петлей. Теперь выходит, иначе надо жить, а мы не можем иначе, ты ведь не можешь переменить.

Он поспешно согласился, поймал себя в этой трусливой поспешности, и Кира тоже уловила это. Голос ее дрогнул от обиды. Никогда еще она не выглядела такой жалкой и беззащитной. Словно несчастье пришибло ее, и виноват был Чижегов; жили и жили, мало ли что бывает, сошлись, разошлись, по-доброму, не портя той радости, какая была, зачем же надо было волю давать своим чувствам?..

Чижегов удрученно молчал. Ругал себя, а через час, в гостинице, не вытерпел и выложил все соседу по комнате, приезжему инструктору по вольной борьбе. Удовольствие было произносить это слово: люблю. Без насмешки, всерьез. «Понимаешь, вдруг оказалось, люблю ее...» На всякий случай поселил ее в Новгороде и все настаивал, что некрасивая, ничего в ней нет особенного. Раньше она казалась интереснее, и ничего такого не было, а теперь... И удивленно ругался.

– Хуже всего в некрасивых влюбляться, – опытно сказал инструктор. – Они в душу впиваются, как клещи. Мордашечку, ту можно променять на другую мордашечку. У меня тоже в прошлом году... Представляешь: в очках, да еще конопатая...

Чижегов оглушенно улыбался, глядя в потолок.

Назавтра, после обеденного перерыва, Аристархов, зайдя как обычно в щитовую, увидел вместо отладочной схемы путаницу проводов, батарей, гальванометры и главное – разобранные, выпотрошенные регуляторы. Чижегов, блаженно улыбаясь, пытался показать ему, как накапливается заряд на пластинках. Стрелки гальванометра едва заметно вздрагивали. Они могли вздрагивать по любым причинам, но Чижегов убеждал, что это и есть то самое, та электростатика, от которой

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru проистекают все неполадки. Никаких доказательств у него не было, чутье и путаные соображения, которые Аристархов разбил с легкостью. Однако Чижегов не сдавался. Возвращения не интересовали его. А может, он вообще ничего не слышал. Глаза его смотрели ласково и неподвижно, как нарисованные. Когда Аристархов исчерпал свои доводы, Чижегов неожиданно сообщил каким-то механическим голосом, что просит отключить все регуляторы на двое суток, то есть остановить печь. Это была уж явно безумная затея. Обращаться с таким предложением к директору было безнадежно. Аристархов руками замахал, раскричался, но вдруг, посмотрев на отрешенно счастливое лицо Чижегова, сам не понимая почему, согласился отправиться с ним к директору. По дороге он опомнился. Утешала лишь надежда, что директор поймет, что он, Аристархов, отпихивается, не желая портить отношений с кураторами.

Поначалу директор нетерпеливо, подгоняюще барабанил пальцами по столу. Беспорядочная речь Чижегова, если изложить ее в записи, отдельно от него самого, вызывала бы недоумение. Аристархову стало ясно, что сейчас их выгонят. Молодой директор был известен вспльщивой нетерпимостью ко всякой мастеровщине: на глазок, на авось, на шармачка. Вместо этого, посмотрев на Чижегова, а потом на Аристархова, он вдруг вздохнул: если, мол, они ручаются, что причина найдена, то имеет смысл. Однако под личную ответственность и при условии, и при гарантии... – но смысл его угроз никак не соответствовал сочувственному тону.

Чижегов рассеянно заулыбался, и стало слышно, как он напевает про себя.

– Что это с вами? – спросил директор, однако не у Чижегова, а у Аристархова.

– Перемагничивание происходит, – туманно ответил Аристархов.

Если бы Чижегов находился в другом состоянии, он, конечно, заметил бы, что и с Аристарховым что-то творится.

Всю субботу и воскресенье Чижегов не выходил из цеха. Окажись у него достаточно чувствительные приборы, он мог бы построить кривую накопления заряда в зависимости от самых разных штук, бывших у него на подозрении. Наверняка получилась бы неплохая научная работа. Впоследствии, когда приехала специальная комиссия утверждать изменения, введенные в схему, у Чижегова допытывались, почему да отчего, откуда известно, что нужно здесь сопротивление, а не здесь. Никаких замеров не мог представить и объяснить тоже толком ничего не сумел.

Просто пришел день, когда он почувствовал, что и где надо, – так понял его председатель комиссии, старый конструктор, с которым тоже когда-то случалось подобное.

Под утро, в воскресенье, Чижегов вздремнул на диванчике в щитовой. Проснулся он от печали. Он сел, не понимая, откуда эта печаль, потому что ничего ему не снилось и работа шла хорошо. Часы показывали шесть утра. Вскоре должны были прийти лаборанты и Анна Петровна. Надо было успеть подготовить схемы для пайки. Руки его задвигались, ноги осторожно переступали через провода, приборы, он делал все, что полагалось. Но тоска, его не проходила. В окно он увидел идущих по двору лаборанток. И тут он подумал – что ж это будет? Через два дня регуляторы заработают по новой схеме – и, значит, поездки в Лыково прекратятся. Незачем будет ему ездить сюда, не надо будет ничего отлаживать, поскольку он нашел и устранил причину разладки. Сам, своими руками.

Он потрогал беззащитно обнаженную подвеску датчика. Легкий ротор послушно качнулся. Вот и все, добился, подумал Чижегов, а для чего, зачем это надо было? Ездил бы и ездил. Кому мешали его приезды, подумаешь, какую техническую революцию произвел... Раза два он, конечно, еще сумеет напроситься – проверить новую схему. Но не больше.

Еще не поздно было взять и отменить всю эту затею. Так, мол, и так, номер не проходит. Ошибся. Прокол. Стоило чуть царпануть сопротивление, подменить конденсатор – и концы в воду. Да и хитрость ни к чему: скажет – не вышло и все, он хозяин, хотел – придумал, хотел – раздумал... Никто не заставлял его, какого ж черта...

Никак было не разобраться – что мешает ему?

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Нет ведь у него такого самолюбия или амбиции, чтобы обязательно стать новатором. Дело свое он знал, авторитета хватало ему и без этого творчества. Вообще странно – чего его привело, что заставило?

Рыженькая Лида паяла. Анна Петровна выгибала проводнички. Безошибочно разбиралась в корявых набросках Чижегова. Подварили заземление. Жестянки принесли новые экраны. Монтаж подвигался уже независимо от его воли, и чем больше волновался Аристархов, тем Чижегову все становилось безразличней. В середине дня он позвал Аристархова в конторку и предложил оформить по БРИЗу всю эту бодягу на двоих. Пусть Аристархов сам доведет, испытает, а с него хватит. Он уходит. Выдохся.

Костя Аристархов, чистая душа, слышать не хотел о соавторстве: довести – доведет, то, что надо, проверит, только по дружбе, чужие лавры ему ни к чему.

– А свои мне тоже – как корове венок, – равнодушно сказал Чижегов.

Кроме лавров, еще деньги будут, упорствовал Аристархов. И немалые, как он прикинул. Исходя из простоев за регулировку, плюс оплата каждого приезда Чижегова, согласно договору с их управлением, – словом, процент набегал солидный.

– Вот процент за мои приезды и возьмешь, – сказал Чижегов. – Или тебе денег девать некуда?

– Мне сейчас как раз кстати, у меня теперь обстоятельства... – Аристархов слабо покраснел и засмеялся. – Может, ты слышал? Но если ты специально для меня, то я категорически возражаю!

Однако Чижегову было не до того, чтобы вникать в его обстоятельства. Он накричал на Аристархова и тут же заставил его подписать заявку, отнес в БРИЗ, оформил и, не заходя на пульт, уехал в гостиницу.

Скинув туфли, он зарылся головой в подушку и заснул, мертво, без сновидений. Разбудила его Ганна Денисовна. Вызывали к телефону. За окнами смеркалось. Голова у Чижегова была тяжелая, словно с перепоя. Звонил Аристархов, сообщил, что все готово к испытаниям.

– Ни пуха, – сказал Чижегов.

– А ты что ж, не приедешь?

– Обойдется.

– Неужели не интересно, твое ведь это.

– Было мое... Вот что. Костя, я с тобой не задаром уговаривался. Я свою часть отработал вроде бы сполна?... – Чижегов почувствовал, что хватил лишку, и, мягчая, поправился: – Лучше тебе без меня, я сам в своем деле не судья.

Может, прозмеилась у него тайная мыслишка, что Аристархов напутает и все сорвется.

Он вышел на улицу, постоял у автобусной остановки. Мимо прошли трое длинноволосых парней. Они шагали в обнимку и тихо пели. Получалось у них душевно, и одеты они были красиво – в джинсах, рубашки с цветочками, только черные очки выглядели нелепо.

А что мне видно из окна –
За крыши прячется луна.

От песни щемило. От этого теплого вечера, от заночевавших в переулке машин, груженных капустой, от пыльной дороги, от дремлющих на остановке баб с корзинами брусники – от всего этого почему-то щемило, и было грустно и жалко утлую свою судьбу.

Впервые в жизни Чижегов не знал, чего он хочет. Чтобы все получилось там, у Аристархова, или, наоборот, чтобы все сорвалось. И с Кирой тоже не знал, чего он

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru добивается. Если б его спросили еще вчера, он бы сказал, что лучше всего оставить как было. А теперь он и сам не знал. Что-то вдруг изменилось в его жизни. Он старался не думать о будущем. Раньше будущее означало только хорошее... В будущем всегда помещались удачи, премии, отпуск, поездки, встречи с Кирой... Это Будущее кончилось. Оно перестало существовать. Признание Киры сделало все безвыходным. Чижегов вспомнил, как его младший сын недавно расплакался: «Не хочу расти...»

Он дошел до кинотеатра и повернул назад.

Как-то Кира уговорила его сходить посмотреть «Даму с собачкой». Некоторые сцены ему понравились, особенно в гостинице и в театре. Было даже неловко – он представил себе, как Кира, глядя на это, думала про него и примеривала к этому Гурову. После сеанса на выходе одна девушка говорила: «Взяли бы да развелись, характеру им не хватает... когда настоящая любовь, ничего не страшно». Чижегов только усмехнулся. Не над ней, а над тем, что и он недавно точно так же рассуждал. Ему захотелось прочесть этот рассказ. В школе он читал Чехова «Каштанку» и еще что-то смешное. Вообще же классиков он не читал, тем более рассказов. Он любил мемуары про войну, детективы, и если рассказы, то когда попадался под руку «Огонек» или «Неделя». Начав читать «Даму с собачкой», он увидел, что там было не совсем так, как в кино. Не было старинных сюртуков, швейцаров и извозчиков, а был Гуров и эта женщина, которая неизвестно чем нарушила его жизнь. Куда больше оказалось сходства с тем, что творилось у него с Кирой. Положение Гурова было даже потруднее. Чижегов хоть имел причину ездить в Лыково. А этим-то приходилось изворачиваться; ох как он их понимал... Жаль было, что писатель, в сущности, не кончил рассказ, оборвал на самом жизненном моменте. Как полюбили, как сошлись – это известно, так сказать, популярное явление, можно представить. Проблема в другом – выход найти из положения, в которое люди попали. Вот тут бы великому писателю и подсказать. Что же с ними дальше было. Самое актуальное тут и заключается. Ведь как-то они независимо от писателя выкарабкались, что-то придумали. Кира, выслушав его рассуждения, сказала: «Надеешься, что разлюбишь...» Говорила она и другое, а запомнилось вот это, вроде некстати сказанное.

Тогда, когда он читал, жаль было обоих, особенно Гурова он жалел, теперь самому Чижегову повернулось куда солонее.

Он вернулся в гостиницу. Внизу за столом компания заготовителей распивала пиво. Пиво было чешское, в маленьких коричневых бутылках. Чижегова усадили. Он пил и прислушивался к телефонным звонкам. Думать он ни о чем не мог, было только томление, высасывающее все мысли и чувства.

– ...Псих этот говорит: «Я торшер, выключите меня, пожалуйста», – услышал он свой голос и смех кругом и удивился: такие с ним происходят события, можно сказать катастрофы, а он рассказывает байки, и никто не замечает, что с ним творится. И как это в нем сосуществует, не смешиваясь, точно масло с водой. Ему пришло в голову: а что, если и с другими происходит то же самое? Вспомнил своего начальника отдела Рукавишника, умершего от рака. Наверняка знал про свою болезнь и до последнего дня держался молодцом, скрывая от всех. Вспомнил, что Кира рассказывала про Ганку – муж ее два раза уходил, да и сейчас гуляет с одной врачихой. По Ганке разве узнаешь: сидит вяжет, всегда вежливо-приветливая. У многих, может, есть своя тайная беда. Мужество людей, продолжающих жить и работать, несмотря ни на что, вдруг поразило его...

– Чижегов! – позвал кто-то.

Голос Аристархова гудел в трубке победной медью оркестра. И Анна Петровна кричала в микрофон «Поздравляю!», и девушки-лаборантки.

– А ты боялся. Ну сознайся, боялся? – кричал Аристархов. – Мы тебя раскусили... Имей в виду, завтра устраиваю вспрыск... всех приглашаю... – и снова вздохнул, расписывая, как шло испытание, какие результаты, где чего пришлось подкрутить... С какой-то хитрой добротой он выворачивал так, что все это Чижегов предусмотрел, знал заранее, а грубил ему оттого, что волновался, сам же из гостиницы не выходил: сидел ждал звонка...

Чижегов положил липкую горячую трубку. Все-таки было приятно за Аристархова и остальных. Лично он словно не имел отношения к этому. Или перестал иметь

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
отношение. Было такое чувство, как будто отвязался, освободился...

Он еще постоял в застекленной кабине администратора.

Одним вопросом стало меньше, как-никак облегчение. Отныне он будет автор, передовик, новатор. Творческая личность. Это с одной стороны. А с другой – прохвост, предал женщину, которую любит. Он мог гордиться собой, а мог стыдиться. На выбор. Как повернуть. И ведь что смешно – если бы он ради Киры задробил всю свою затею с регуляторами, тоже плохо было бы, тоже устыдился бы, по-другому, но устыдился бы.

Когда он вернулся к столу, там сидела Кира. Заготовители наперебой ухаживали за ней. Особенно старался рыжий добродушный толстяк, которого тоже звали Степаном.

Чижегов покраснел и не поздоровался. Все эти дни он не звонил и не решался зайти к ней; когда все свершилось, он тем более был не готов встретить ее здесь.

Кира сделала вид, что увлечена общим разговором, слегка покосилась на Чижегова, не больше чем на любого другого входящего. Он сел напротив нее, к своему недопитому стакану.

– Мы не должны ждать милости от природы, – говорил толстый заготовитель, – но пусть и она от нас не ждет милости, – и первый захохотал, намекаяще подмигивая Кире.

Она тоже засмеялась, хотя шутку эту Чижегов когда-то слышал от нее. Потом, улучив момент, негромко спросила Чижегова, все ли в порядке? Сочувственный ее голос растворил все мучения и страхи. Что ему мешает? Как просто – надо взять и уехать с ней, поплыть пароходом, гулять по палубе, спускаться в каюту, сидеть на белых скамейках, любуясь на берега, слушать ее восторги. Отправиться на Урал, в Нижний Тагил, где у него друзья на комбинате; взяли бы там катер. Нет, сперва он показал бы ей огромный термический с новенькой автоматикой, отлаженный им, потом уже на катере, до порогов. А можно в Алма-Ату, погостить у старика Родченко, в его саду, где висят огромные яблоки... Не то чтобы жить, как он живет с Валеи, а именно ехать куда-то, плыть, смотреть...

– Поздравляю вас, Степан Никитич. – Кира подняла стакан, и ровный голос ее легко выделился среди шума. – Большое дело, говорят, вы сделали.

Он мельком удивился: откуда это ей известно, да и казенная эта торжественность никак не подходила Кире, но принял все за чистую монету и по-идиотски заулыбался, замахал руками – мол, ах, что вы, ах, не надо.

Была Кира в том самом белом в синюю полоску платье, красиво-праздничная, с медными бусами, он даже подумал, что это специально ради него. Не понимает она, что ли, недоумевал он, растроганный ее наивным пряמודушием.

И когда он, как полный слюняй, размяк, она небрежно выдала ему, выбирая, куда бы побольнее:

– Не скромничайте, Степан Никитич, от своих рук накладу нет. Да и то пора. Третий год как мотаетесь в нашу Тмутаракань. С такой доуки что угодно изобретешь... Дома-то уж, поди, проклинают Лыково... Так что с освобождением. Приходится с вас, Степан Никитич, жаль, что час поздний, а то бы выставили вас на коньячок с закуской.

Голос ее чуть сорвался, в сухих глазах полыхнуло, и все почувствовали, что происходит что-то не то. Но она откашлялась, прикрывшись платочком, улыбнулась, и сразу все заулыбались, заговорили, что коньячок кусается, хватит и белого, а Кира неуступчиво мотала головой: не жмитесь, у Чижегова премии хватит; и получилось, что премия тоже не последняя причина в этой истории, что Киру на деньги променял.

От явной этой несправедливости Чижегов побагровел, никак не мог найтись, словно стукнули его по голове. Лица размазанно плыли перед глазами. Единственное, что он видел, – отчетливо пульсирующую улыбку Киры. То маленькую в острых углах рта, то широкую, с блеском стиснутых зубов.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Так ему и надо было. По чести – следовало смолчать, пусть думает что хочет. И ведь чувствовал, что промолчать лучше, умнее, но, глядя на ее усмешку, уже не мог сдержаться.

– За отвальной, Кира Андреевна, мы не постоим, раз уж так вас волнует технический прогресс. А вот насчет Лыкова – это напрасно, городок ваш с развлечениями, не хуже других, – сладостная злость несла его бог весть куда, да он и не оглядывался. – Жалко расставаться, да что поделаешь, Кира Андреевна, интересы производства превыше всего.

– Государственный человек, – сказал толстый заготовитель. Кира прижалась к нему, что-то шепнув, и они оба рассмеялись. С этой минуты она больше не обращала внимания на Чижегова, словно его не было. Раз, другой пробовал он вмешаться в разговор, она презрительно кривила губы, и слова его безответно пропадали.

И без того она умела быть в центре внимания, нынче же она пустила в ход все свое искусство. С каждым из мужчин она вела свою игру, каждому что-то обещала глазами, улыбкой, позволяла держать себя за руку, обнимать.

Соперничая, мужчины изощрялись кто во что горазд. Хвастались, острили, кто-то гадал ей по ладони... Стародавние, дешевые эти приемчики были хорошо известны Чижегову, и он не понимал, неужто на Киру они могли действовать. Не замечала она, что ли, как распаленно посматривают на ее обтянутые груди. Она будто нарочно поводила ими, наклоняясь, открывая глубокий вырез. Не сразу он понял обдуманную ее игру. Все, все было у нее обдумано, вплоть до завитых пружинок волос, что приманчиво дрожали на висках. Хотелось взять ее за эти кудельки и оттащить. Чижегов мысленно раздевал ее так, чтобы показать немолодое ее тело и вислость груди, но почему-то эта Кира была желанней, чем та накрашенная кукла, что сидела перед ним, и было непонятно, что они все нашли в ней – разбитная, вызывающая бабенка, не больше.

Ганна Денисовна подседа к Чижегову, посетовала на разлуку. Все же привыкла она к регулярным его приездам, и в гостинице должно быть что-то постоянное...

Нехитрым своим сожалением как могла утешала его, защищая от Киры. И хотя Чижегов понимал это, ему и впрямь жаль стало навсегда расставаться с этим деревянным городком, со здешними страстями лесозаготовок, льноуборки.

Ганна Денисовна не осуждала Чижегова, у мужчин другое устройство, мужчина привязывается не к месту, а к работе. Нельзя ревновать его к работе. Женская природа иная. Женщина, особенно одинокая, она незащищенная. Ее узнать потруднее, чем прибор...

– Откуда мне их знать, – рассеянно сказал Чижегов, следя за Кирой. – Уж так сложилось, что я ни разу не был одинокой женщиной.

Он вышел, стал прохаживаться за углом.

Только что прошел дождь. Дранка на крышах блестела рыбьей чешуей. Воздух посвежел.

Хлопнула дверь, потом на перекрестке показались трое. Кира была в белом плаще, в высоких сапожках. Она громко сказала:

– ...По такой грязюке... Спасибо, уж меня Степочка проводит. Как, Степочка, не откажете быть кавалером?

От этого «Степочки» Чижегова передернуло.

– Кавалеры, кавалеры, никакой нам нету веры, – придуриваясь, пропел Степочка.

Поодаль, крадучись, Чижегов следовал за этой парочкой. Стыдился самого себя. Желал, чтобы она пригласила этого толстяка к себе домой. Тогда все станет ясно. И молился, чтобы этого не было. Чтобы оставила у себя до утра. Чтобы захлопнула перед носом дверь...

У Троицкой церкви он потерял их из виду; заметался в темноте, шлепая по лужам. Услыхал позади смех и шепот. Застыл и, осторожно прижимаясь к стене, направился

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru к ним. Обогнул заколоченный вход, и опять позади засмеялись. Из черноты отовсюду виделись ему глаза – темные, сухие, без блеска, они следили за каждым его движением. Шелестело, шуршало, потрескивало. Казалось, где-то совсем рядом целуются, прижимаются, скрытые этой проклятой тьмой.

..Сделав круг, Чижегов вышел к железнодорожной ветке. При свете прожекторов там грузили яблоки. Узнал несколько заводских парней. Энергетик из термического помахал ему рукой, поздравил с удачным испытанием. Чижегов взвалил на спину ящик и понес по упругому мосту в густо пахнущую яблоками глубь вагона.

Прошел час, а может, и больше, он таскал и таскал, злость медленно отпускала его, смывалась потной усталостью, приятной от этой разумной очевидной работы, от чистого доброго запаха яблок. Он подумал, что, возможно, Кира хотела успеть бросить его первой. Так ей, наверно, легче. Она имела полное на это право, решил он сочувственно, и даже к толстому Степану не осталось ничего злого. Тот-то вообще был не виноват. И своей вины Чижегов тоже не мог углядеть. Все, что он делал, он должен был делать, все по отдельности было правильно, никаких ошибок, и не в чем раскаиваться, а почему-то в результате получилось плохо, каждому из них плохо...

Два дня ушло на оформление документации. Только на третий удалось собраться, отпраздновать. Строго говоря, работа могла считаться принятой после специальной комиссии, месяца через три. Фактически и Чижегову, и всем остальным было ясно, что причина неполадок найдена и устранена. Бог знает откуда возникает это отчетливое ощущение удачи. По правилам и теориям месяцами надо проверять, не выявится ли что-нибудь, а им, мастерам, почему-то безошибочно известно: все в порядке, вскочило, в самый раз. Поэтому, суеверно сплюнув через левое плечо, Чижегов согласился не откладывать ресторанное застолье.

Новенький ресторан в заводском поселке оформляли молодые столичные художники. Заметно, что никто не стеснял их выдумки. Столики были разгорожены то кактусами, то канатами, то обожженными березовыми плахами, и вместо общего застекленного зала получились уютные закутки, уголки, беседки, и длинный стол у стены, заказанный Аристарховым, тоже был отделен свисающими коваными цепями.

Аристархов был за тамаду. Вызывал по очереди на тосты. Почти в каждом хвалили Чижегова. Во-первых, сделал чуть ли не открытие. Во-вторых, за двое суток провернул невероятный объем работы. Анна Петровна привела в пример своего мужа – однажды при пожаре он вытащил бухгалтерский сейф, потом сам не мог его с места сдвинуть. Слова ее как бы намекали на особое состояние Чижегова, вызванное тайными счастливыми причинами. При этом многие заулыбались, но Анна Петровна обернула все на талант, вдохновение и процитировала стихи Пушкина.

Энергетик термического смешно изобразил Аристархова с его конфузливими приговорками «я вас, Лидочка, боготворю, а вы жжете прибор за прибором, это же неаккуратно». И Анну Петровну, яростно защищающую Аристархова. А потом дико сверкнул глазами, засопел, разглядывая огурец, и посветлел, блаженно хихикая, и получился Чижегов. Общий хохот подтвердил, что похож, а Чижегов удивился, потому что никогда не видел себя.

Смеялся Чижегов громче всех, стараясь сбросить странную напряженность, которая держала его. Что это было – предчувствие? Он никогда не понимал и не верил в эти предчувствия. Не существовало никаких причин, чтобы что-то предчувствовать. Наоборот, чем дальше, тем становилось веселее, непринужденней.

Лаборантки Лида и Зоя в ярких цветастых мини выглядели не хуже столичных модниц. Мужчины чувствовали себя в смокингах, предупредительно подкладывали дамам в тарелки и старались не говорить о производстве. Аристархов как тамада был в ударе. Малиново-рыхлое лицо его источало доброту. Он смотрел на Чижегова с обожанием. Было ясно, что и вечер, и этот стол были устроены ради Чижегова. Он был героем, женщины разглядывали его с интересом, словно впервые увидели. Никогда еще не оказывали ему такого внимания и таких слов о себе не слышал. Мужественный Победитель, не убоавшийся риска. Щедрый Талант, Наш Парень... И звуки скрипки нежно увивали его чело.

Чижегов добросовестно выпивал за каждый тост. Он не пьянел. Нисколько. Он

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru трезвел. Водка смывала горечь последних дней. Вся эта накипь мутными хлопьями оседала туда, где хранится то, о чем лучше позабыть.

Окружающее становилось звонко чистым и добрым, как выпуклые глаза Аристархова. В них отражался мир, в котором Чижегов не сумел бы жить, но которым он любовался. Наверное, не было на заводе человека, обиженного Аристарховым. «Позвольте заметить, что вы нерасторопны». Или: «Вы неаккуратны», – вот наибольшее, на что он был способен. Он не умел наказывать и тем более ругать, он предпочитал страдать от чужой недобросовестности, делать за других, получать самому выговора. На многих это действовало сильнее наказания. Как ни странно, порядок в лаборатории держался на беззащитности Аристархова. Анна Петровна и техники совестили тех, кто пользовался его кротостью. Женщины пеклись о нем особо, поскольку Аристархов пребывал в холостяках. Первая жена, красавица, москвичка, уехала от него через год после свадьбы. Причины никто не знал. Аристархов признался как-то Чижегову, что и для него это загадка. Честно ждала его из армии, а через год бросила. Перед уходом сделала аборт. Не то чтоб к другому ушла. От него ушла. Несколько лет спустя у него произошел роман с местной учительницей. Все шло прекрасно, и вдруг она вернулась из отпуска вместе с синоптиком и так и осталась у него. С тех пор у Аристархова образовался «брачный шок», как он называл. Напрасно обхаживали его местные девицы – он уклонялся, как мог...

Предстояло сказать ответный тост. Чижегов встал. Все зашикали. Он вдруг представил, как они готовились к этому вечеру, продумывали, обговаривали любые мелочи. Они понимали, что прощаются, хотя никто не говорил об этом. Лыковская жизнь его кончалась. Кроме Киры были в ней и эти люди, они любили его. До этого вечера он как-то не думал об этом. Он лишается их, он расстается с друзьями, и, кто знает, стоит ли вся его придумка с регулятором этой потери. Что из того, что несколько регуляторов станут работать надежно. Что термообработка пойдет бесперебойно. Если за все это, оказывается, надо платить. Да еще так дорого. Никогда заранее не знаешь цену, которую придется платить.

Вместо этого он сказал, что не видит своей большой заслуги, мало ли что идея, идей много, а вот воплотить ее можно было только благодаря тому, что каждый... и он пошел вокруг стола, пожимал каждому руку, а с Анной Петровной расцеловался, и с Аристарховым трижды.

Потом он поднял стопку.

– Я хочу выпить за Аристархова Константина Акимовича, – и расписал его авторство, чтобы не было никаких кривотолков. В заключение пожелал Аристархову новых творческих успехов и счастья в личной жизни.

Последняя фраза вызвала оживление.

– В самый раз! – выкрикнула Лида.

С Аристарховым чокались, многозначительно подмигивая.

– На выданье он у нас, – пояснила Чижегову Анна Петровна. – А вы не в курсе?

– Почему же, – сказал Чижегов, что-то припоминая. – А кто невеста?

– Да Семичева, Кира Семичева. В леспромхозе работает.

– А-а-а, – протянул Чижегов. – Надо же...

Но тут грянул оркестр, начались танцы. Стол опустел. Аристархов придвинулся к Чижегову. Был он не пьян, а разнеженно доверчив.

– Знаешь, Степа, – говорил он затуманенным голосом. – Я решил, потому что подошел предел. Мне сорок стукнуло. Детей хочу. А их надо успеть на ноги поставить. Фамилия наша древняя. Боюсь, конечно, как бы опять не сорвалось. Какой-то порок во мне.

– Ты это выкинь из головы, – бесчувственно сказал Чижегов. – Не в тебе тут дело.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– ...Наследников хочу. Ведь я тоже наследник. Во мне отец мой живет. И дед-переплетчик. И пращур. Я должен быть продолжением, а не окончанием. Сто, двести лет назад они жили – и все они живы. Во мне. А я умру, и что? Поздно, скажешь, спохватился? Так не поздно еще... Страх мне мешал, Степа... Духовное наследство, если угодно, оно самое...

Чижегов перестал слушать, тупо смотрел, как движутся толстые его мокрые губы.

Оркестр умолк. Анна Петровна под села к ним, обмахиваясь платочком.

– Чего ты их боишься, баб... – Чижегов бросил кулаки на стол. – Их держать не надо... Пусть она за тебя держится. А мы-то... Душу открываем. Думаешь, ей душа твоя нужна, ей нужно, чтобы ты мучился...

– Глупости, – сказала Анна Петровна. – Домострой какой-то. Уж Кире Семичевой это совсем не подходит.

– Да, да, – подхватил Аристархов. – Ты понятия не имеешь, вот познакомлю тебя. Она, брат, в жизни тоже навидалась, ей покой нужен, гавань нужна.

– Она навидалась... – Чижегов усмехнулся одной половиной лица.

Анна Петровна посмотрела на него:

– Вы что, знаете ее?

– Кира... значит... Андреевна... Семичева... – Чижегов аккуратно налил себе стопку.

Официантки разносили кофе. Энергетик Илченко предлагал женщинам конфеты. Женщины отказывались, они берегли талии. У скрипача не было талии. У скрипки была талия. За соседним столом справляли именины. Земля не изменила своего вращения. Солнце не изменило угловой скорости. Ничего не изменилось. Нигде и ничего, а ведь должно же было хоть что-то измениться.

Чижегову стало весело.

– Ай да Костя, надо же так угадать. В самое яблочко, – пустой и гулкой голос звучал как со сцены. И ничтожная эта стопка впервые за вечер обожгла, разлилась жаром по рукам.

– Реагируешь ты... не пойму, – в растерянности сказал Аристархов.

Анна Петровна повернула Чижегова к себе.

– Закусите апельсинчиком. И кофеечку.

Илченко с другого конца спросил – о чем спор?

– О Кире Андреевне, – откликнулся Чижегов. – Понимаешь, спорная кандидатура. Есть такое мнение...

– Не надо, Степа. Нехорошо. Ты ведь ее не знаешь, – как можно тверже остановил Аристархов, но тут же сконфузился, испуганно заулыбался.

– Почему же не знаю, – заулыбался Чижегов.

Стало тихо. Чижегов попробовал поймать чей-нибудь взгляд, все глаза избегали его.

– Знаю я ее, – оправдываясь, сказал он. Махнул рукой перед глазами, словно отгонял муху. – Вся гостиница знает. Она же у нас постоянная посетительница. Третьего дня, например. Навестила. – Он подождал. Никто не остановил его. Он пригнулся, ловя взгляд Аристархова. – Ты когда звонил мне, она пиво распивала. С заготовителями. У нее теперь заготовители.

Аристархов со страхом отодвинулся, даже как-то слабо оттолкнул его. Чижегов поймал его руку, стиснул ее.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Заготовители... Эти коблы. Понимаешь? Заготовки у нее. Новый сезон.

– Ты в каком это смысле? – тихо сказал Аристархов. – Ты зачем так...

– Святой ты человек. Не любит она тебя.

– А ты откуда знаешь? – еле слышно, одними губами прошептал Аристархов и стал вырывать свою руку, но Чижегов не отпускал ее.

– Спроси ее. Про заготовителя. Степочка, мол. Тезка мой, – все более ожесточаясь, спешил Чижегов. – Последний выпуск, то есть последний впуск. А ты... Эх ты, не знаешь, что на проходной дороге и трава не растет.

Анна Петровна в сердцах постучала ложечкой.

– Фу, кончайте, Степан Никитич. Не по-мужски это. Гадости всякие повторять... Сплетни.

– Да, да, зачем вам-то встречать, Степан Никитич, – морщась, подтвердил энергетик. – Неделikatно это. Вы человек посторонний.

Аристархов очнулся, шумно задышал, складки на шее потно заблестели.

– Нет, это недоразумение, товарищи, вы не так поняли. Степан Никитич из лучших побуждений. От заботы. Пожалуйста, не обращайтесь внимания, я прошу вас... Верно, Степа? Я же тебя знаю. Ты потому, что добра мне хочешь. Ты так понимаешь добро, а я по-другому. И ничего тут плохого. Может, ему что показалось, вот он и расстроился. Мы же все тут друзья. Я знаю, вы мне только хорошего... И ты, Степа. Ты все же не знаешь ее. Ты меня прости, но это голословно все, что ты... Извини, конечно, – умоляющая, заискивающая улыбка позабыто дрожала на его губах.

– Да что ты все извиняешься! – крикнул Чижегов. Он вскочил, отшвырнул кресло. – Что ты все замазать хочешь! Неприятно тебе, да? Испугался. Все вы испугались... Потаскуха она. Слышите? И ты не придумывай себе. Потаскуха, – в расстановку, не оставляя сомнений, с яростью повторял он.

Затылок ему сдавило. Он чувствовал, как раздувается у него шея, голова. Больше всего ему хотелось сейчас что-нибудь разбить, кого-то ударить.

Он ждал, рыская глазами, но никто не шевельнулся. Тогда Чижегов повернулся и пошел. Он старался идти легким своим пружинистым шагом, сунув руки в карманы, но на этом скользком паркете не получалось, огромная тяжелая голова придавливала его, он чуть не упал и шел неловко, шаркающе.

И на улице он никак не мог вернуть твердого, упругого шага, прекрасной своей походки и выправки, которой он отличался еще в армии, на гимнастических соревнованиях.

Слышно было, как в ресторане оркестр грянул полечку, посмеиваясь вдогонку длинными блестящими трубами.

От ветра в черном небе покачивались звезды, и Чижегова мотало из стороны в сторону, как лодку на широкой реке. Город со своими домами, витринами расступался перед ним, огибал его, словно все было лишь отражением в воде.

– Степа! Степан!

Его догнал Аристархов. Запыхавшись, остановил, держась за сердце.

– погоди. Ты объясни... нельзя же так... сбегать... Может, я чего напутал... Ты посиди, проветришь...

– Не пьян я, – сказал Чижегов. – Не надейся.

– Что же с тобой? Так меня перед всеми... Ты уедешь, а мне с ними... Ты понимаешь, что ты наделал?... – он вцепился Чижегову в плечи, белое сырое лицо его стало еще больше. – У тебя с ней было... что-то?

– Что-то... что-то... – передразнил Чижегов. – Эх, ты, недопеченный.

– Позволь... Тогда это совсем... это непорядочно. Даже если у тебя всерьез. Как ты мог такие слова... Она женщина. Какое право ты имел. Она человек! Да и я!.. Совесть у тебя есть? – голос его сорвался, пискнул. Пальцы вцепились в плечи.

Чижегов ударил его по рукам и, от сопротивления войдя в ярость, ударил еще раз, по-настоящему, снизу вверх.

Хватая воздух ртом, Аристархов покачнулся, но устоял.

– Ты драться... Ты меня. За что... Ах, подлость, подлость какая, – он зажмурился, поднял перед собой кулаки.

Чижегов стоял, опустив руки.

– Не умею... – простонал Аристархов. – стыдно. никогда не умел. стыдно-то как... – большое лицо его задрожало, он всхлипывал, пытался унять этот всхлип и не мог. – Боже мой, только что целовал, слова говорил такие!

Они стояли под фонарем, у газетного киоска, и прохожие почему-то не обращали на них внимания.

– Что ж ты, ударь, – сказал Чижегов. – Давай, давай, не бойся.

Аристархов помотал головой.

– Не могу, – и вымученная умоляющая улыбка задержала его губы. – Не могу...

Жалкая эта улыбка неотступно прыгала перед Чижеговым, когда он шел дорогой, затем проселком через выгон. Ночь была светлая, и он все хорошо видел, каждую выбоинку, коровьи лепешки и черное, выжженное пятно костровища. На опушке, у черемуховых кустов, он сел в мокрую росяную траву. Мысль о том, чтобы убить себя, появилась сразу, как только он отдышался, и нисколько не ужаснула его. Наоборот, был страх и отвращение к необходимости жить, а значит, искать выход, изворачиваться.

Когда-то все было просто – он садился в поезд, и Лыково пропадало. Появлялся другой Чижегов, которому было наплевать на здешние страсти, для которого существовали свой дом, семья, работа... Сейчас же эти двое, жившие независимо, раздельно, соединились, замкнулись, и больше некуда было укрыться. Было холодно и мокро. Чижегов думал, как легко, в сущности, расстаться с жизнью. Казалось бы, такой здоровый человек, и столько у него дел, и дети, и все время занят, и вот, оказывается, ничто не держит. Куда все делось? И Валя тоже почему-то стала связана с Кирой... Как же так получилось, что людям, которых он любил, он же испортил жизнь, сделал их несчастными? Он ведь не хотел этого и сделал это. Случайность? Но он знал, что это не случайность, что это вышло из его жизни и вся прошлая его жизнь стала лишь причиной того, что случилось, и в ней не осталось ничего, что могло бы его оправдать и чем можно было бы гордиться.

Он спокойно прикинул, как он повесится и что написать в записке, чтобы не стали тягать Аристархова или Киру. Перед глазами всплыла дрожащая улыбка Аристархова, и Чижегов подумал, что независимо от записки Аристархов все равно угрызет себя, а то и руки наложит. Не то чтобы ему было жаль Аристархова, ему никого не было жаль. Но глупо, если поймут так, что он, Чижегов, испугался скандала, что из-за ревности, спяна... Можно было уехать. Исчезнуть. Скрыться от всех. Начать где-то жизнь сызнова, и это всех бы устроило, и никому ничем не грозило. Но в голову сразу полезло насчет прописки, военного билета, трудовой книжки, разных прицепок, без которых невозможно обойтись. Он понял, что это тоже неосуществимо, да и в чем будет состоять смысл этой жизни на другом месте. Как будто все дело в том, чтобы обмануть окружающих и скрыться. От кого скрыться? И кого он боится? Он никогда никого не боялся...

Сырость пробирала до костей. Тело его дрожало, требуя движения. Он не заметил, как пошел, потом побежал. Где-то расцарапался о сук, потерял кепку. Сквозь тонкие ветки неохотно занималась заря. Он торопился, словно что-то увидел в этом бледном рассвете. Постучал монеткой о стекло. В блестящей тьме шевельнулись

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru занавески.

...Только это, ничего больше ему не нужно было – уткнуться в ее колени, почувствовать ее. Он не слышал, что и как он рассказывал, помнил лишь, что повторял, что жить ему больше нельзя, невозможно, незачем, и слышал, как она говорила:

– Будет тебе... Ну, что с тебя взять... Это ж ты от любви.

– Все равно подлость... Зачем ты выгораживаешь меня... Оба вы. И ты, и он. А я не хочу! Не надо мне...

Его колотило. Кира держала его голову. За перегородкой спала дочь. Они говорили шепотом.

– Это я виновата. Разревновала тебя. Ну, перестань. Подумаешь, обозвал меня. Да что я, девушка? Молва – что волна... – И другие легкие слова, от которых знобкая его дрожь уходила, высвобождалась из глубины тела.

Кричали петухи. Вместе с розовым светом открывалось перед Чижеговым в полной непоправимости все, что случилось. Но это уже не касалось его. По существу, его как бы уже не было. Он как бы умер, отделился от всего этого. Он все хотел объяснить ей, почему он еще не окончательно лишил себя жизни; не от боязни, а оттого, что ему надо понять смысл, и это неважно, что он еще жив, все равно он уже как бы покончен или покончит, что-то умерло в нем, и тоже не в этом дело...

– Поговорят обо мне, да надоест, – не слушая, продолжала Кира, ловко снимая с него пиджак, туфли. – Да что это за человек, о котором не говорят. Неизвестно, был он или не было его. Аристархов, тот, конечно, примет к сердцу. Сердца в нем много. Я думала, ты про нас знаешь... Ах, поди ж; ты, как схлестнулось, как нарочно. Ну да ладно, все зарастет. Уговорю я его, это не твоя забота.

Ни на одну минуту он не верил ей. Не понимал, откуда в ней такое спокойствие. На что она надеялась? Как будто она что-то знала такое, что позволяло ей жить самой, не подчиняясь общей жизни.

– Для чего, для чего ты утешаешь? – допытывался он. – Ты думаешь, я поверю. Во что? Не хочу. Мне, может, так легче. Ничего не осталось, и черт с ним.

Она подняла за волосы его голову, посмотрела внимательно.

– У тебя лоб разбит.

Ловко промыла царапину, уложила на диванчик. Чижегов лежал, скрестив руки. Запавшие глаза смотрели в потолок.

– Спи, – сказала Кира и села рядом.

Он почувствовал, как засыпает, и подумал – хорошо, чтобы вот так и кончилось, и не проснуться.

..Валя была полегче и стройнее, особенно в талии. Он сравнивал их не выбирая. Они сидели перед ним, положив руки на колени. Впервые он видел их вместе и понимал, что и ту, и другую любит, но почему-то любит уже меньше, чем любил, когда они были врозь. Если б он остался жить, ему больше было бы жаль Киру. А если он умрет, то хуже придется Вале. В груди у него вертелся моторчик и горели лампы. Женщины неумело вытаскивали эти лампы, он пытался им объяснить, что делать этого нельзя, они не слышали его. Они думали, что это регулятор, и понятия не имели, что он регулирует. Ни той, ни другой не нужен был этот регулятор. Где-то внутри регулятора находился Чижегов, и они выкидывали деталь за деталью, чтобы извлечь его, освободить, не понимая, что, когда они это сделают, его, Чижегова, уже не будет...

Он открыл глаза. Светило солнце. На столе был накрыт завтрак. Кира сидела в той же позе, одетая в коричневое платье, причесанная. На плечи накинута кофточка. Руки лежали на сдвинутых коленях. Она видела, что он проснулся, и оцепенело продолжала смотреть на него. Под красными веками ее свисали темные обводы. Чижегов подумал, что вот так сидят перед покойниками.

– Ты что... – сказал он.

Слабая улыбка появилась отдельно от ее неподвижного лица. Чижегов потянулся. Подушка и диванчик пахли Кирой. Он вспомнил, как хорошо бывало им здесь, и на миг ему представилось, что они в одном из тех прошлых счастливых утренников. Почему нельзя было снова начать с этого места? Как на репетиции: «начнем с этого места». Просто надо окончательно проснуться. Чтобы и это все осталось во сне.

Он поискал отклик в усталом лице Киры и не нашел. Что-то произошло за те часы, пока он спал.

Расспрашивать Чижегов не стал. Ополоснулся под краном, оделся. На столе среди чашек стояла непочатая бутылка чешского пива.

– А все-таки зачем ты с этим бугаем, со Степочкой? – спросил он.

Кира ответила не сразу, она как бы ждала, пока лицо ее застынет в недоброй враждебности, и наконец, еще осторожно шевеля губами, сказала:

– С ним весело.

– Веселее, да? Животик не надорвала?

– Тяжело с тобой.

Он подошел к зеркалу. Вид у него был почему-то свежий, здоровый. Румянец со сна на обе щеки. Хорош покойничек. Поскреб черную щетину на прямоугольном подбородке. Увидел в зеркале, как за спиной Кира нехорошо усмехнулась.

– Попей чайку, – сказала она. – А хочешь – кофею.

Чижегов сел к столу. Обжигаясь, пил черный кофе. Глаз не поднимал. Он чувствовал, как воздух становится горячим, грозovým.

– Ну что же дальше, – сказал Чижегов, разглядывая клеенку. – Давай дальше.

– Дальше было раньше. Осточертело мне. Вот и весь сказ, – грубость ее слов никак не вязалась с тем, как руки ее подливали кофе, придвигали ему колбасу. – Нет в тебе легкости. Какой из тебя любовник. Твоя профессия мужем быть. Все у тебя по расписанию, все по делу. Осторожный ты...

– Любовник! – слово это поразило его. – Вот куда ты меня определила... Спасибо. У меня, может, жизнь сдвинулась, все треснуло, а ты... я чуть...

– «Чуть» не считается. А «может быть» в кармане лежит, – не повышая голоса, оборвала она. – Что может быть? Ничего уже не может быть. Может быть, ты жениться собирался на мне? – и она откинулась, тихо посмеялась. – Опоздал. Всякому овощу свое время. Пересмотрела я. Не отвечаешь ты нынешнему моему стандарту. Было времечко, могла я... Между прочим, думаешь, не сумела бы тебя перетянуть? Эх, Степа, Степа, перетянуть ведь легче, чем удержать. Но... Рассчитала я, прикинула, – невыгодно. Ты свой проект рассчитывал, а я свой. Зачем мне тебя любить... Не хочу! Мне ведь муж с квартирой нужен, с должностью, не те у меня годы, чтобы заново начинать. Разбивать чужую семью, так уж было бы ради чего.

– Придумываешь... Кого ты обманываешь? – Чижегов отмахнулся с нарочитой уверенностью. – Да никогда ты это и в мыслях не держала.

– Видишь, как ты себя любишь. Нет, миленький, я правду говорю, все как есть, – торопясь подтвердила Кира. – Выяснила я тебя до конца, до доньшка. Неинтересно... Ты зачем сегодня явился ко мне? Ведь если я при тебе, при всех – с другим пошла, мог ты понять. Тебе лишь бы выиграть. А что со мной будет, наплевать. Ты-то сам ничем поступиться не хочешь. Хоть бы раз чем поступился для меня. Лестно тебе было, когда в ресторане нахваливали тебя? Жаль, не пришла. Звал меня Аристархов. Праздник тебе не хотела портить... Представляю, каким ты сидел благодетелем. Еще бы, Костю Аристархова соавтором сделал, от своих щедрот. – Жестяно-звенящий ее голос завораживал Чижегова; он все ждал слез, но в глазах ее не было ни грусти,

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru ни гнева, они пусто блестели, как пузыри на воде. – Подкинул молодым на обзаведение. В порядке, так сказать, компенсации... за амортизацию невесты. Не вскидывайся. Известно, что не знал. Это я про себя. А что, скажешь, от щедрости подарил ему? Нет, ты совесть свою хотел умаслить. Ты, Степа, ведь от меня откупался. Думаешь, я злость накопила? Когда любишь, все можно стерпеть... Ты, когда шел ко мне, думал, что мне тяжелее станет? Ты меня не жалел, тебе моя жалость нужна... – Руки ее зябко легли на чайник. – Степа, скажи – ты зачем в Новгород приезжал?

Замерла, не поднимая глаз. Чижегов маленькими глотками допил вторую чашку кофе.

– В Новгород? А-а-а... На завод ездил. Детали доставал.

Кира кивнула, вернее голову наклонила, с каким-то удовлетворением принимая его слова.

Чижегов встал, прошелся по комнате.

– Ничего не попишешь... Рад бы в рай... – само собой получался у него упругий шаг, молодцеватая походочка, и плечи расправились, все мышцы его заиграли. Небритая щетина, ссадина на лбу – все годилось сейчас, и наглая ухмылка – чем похабнее, тем лучше.

– Хотела цацку себе на память оставить? Не будет тебе цацки. Других проси... – он изгилялся, чтобы не сорваться в тоску, в крик, в ругань. – Способен был ради тебя поехать. Не стану отпираться. Но не поехал. А тебе охота самолюбие свое защитить? Эх, напридумывала ты себе. Ну что ты тут плела насчет женитьбы? У меня, к твоему сведению, и мысли такой не возникало – развестись. Ни разу. Честно говорю. Женщина ты, прошу прощения, не первой молодости, – он оглядел ее выразительно. – И в остальном... Если между нами, так я Аристархову правду сказал. Выразился сгоряча, это да, а по существу так и есть, точно... – все более воодушевляясь, подтвердил он. – Гулена ты. В жены таких не берут. Со мной тебе тяжело? Зато с тобой легко...

Зайдя сбоку, он увидел, как на шее у нее дергается, дрожит какая-то жилка, и медное ожерелье в этом месте чуть слышно позвякивает. Несчастливое это было ожерелье. Всякий раз приносило оно Чижегову беду. А профиль у Керы был неподвижен. Профиль не изменился, как и прежде – легкий, красивый. И Чижегов вдруг ужаснулся тому, что происходит. Зачем, почему он говорит такие слова.

– Вот и хорошо, – сказала Кира твердо.

Каменная ее незыблемость помогла ему.

– И слава богу... И выяснили. А Костю ты за соавторство не трави, он тут ни при чем. Свою половину он честно отработал. В этом вопросе я... ты правильно подчеркнула мои мотивы. Признаю. Но тут, если хочешь, в основе другой пункт. Я знал, что сук рублю... А ты, Кирочка, задумывалась, почему я это делал? Потому что не мог иначе. Работа мне дороже, чем всякие шуры-муры. Покрутили и хватит.

Так они и разговаривали, уже ничего не жалея, ничего не сохраняя. Чижегов стремился лишь доказать, что он сильнее и плевать он хотел на то, что было, все это чушь, труха, обычные шуры-муры, повторял он на все лады.

Вышли они вместе и до моста шли рядом, не таясь, по солнечному людному Лыкову. С Кирой здоровались. На Чижегова же никто не любопытствовал, не оборачивался им вслед. Казалось, все эти два с лишним года можно было вот так же ходить вдвоем.

По мосту Чижегов шел один. Все тянуло оглянуться, узнать, смотрит ли Кира или тоже идет по берегу не оборачиваясь. Конца и края не было этому мосту.

Нежданно-негаданно история с лыковскими регуляторами заинтересовала ленинградское начальство. Главный конструктор вызвал Чижегова, долго пытал его: откуда то, откуда это, да с чего он взял, что такие фильтры снижают заряды, как теоретически это можно вывести. Дело в том, что новый тип регулятора, назначенный для ответственных объектов, капризничал. Главный конструктор

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru подозревал, что виновато тут статическое электричество. Доказательств у него не было, и Чижегов, смекнув это, сослался на свою интуицию; если главный – лауреат, доктор и прочая – вместо формул держится за интуицию, то рядовому инженеру сам бог велел. Прозвучало довольно-таки нахально, но изобразить на бумаге распределение зарядов Чижегов не сумел» бы, в теории он был не силен, а кроме того, терять ему было нечего, рядовое его инженерство давало приятную независимость. На его счастье, высоконаучные консультанты с их гипотезами до того заморочили главного, что кичливое, как он выразился, знахарство Чижегова пришлось ему по душе. Решено было поехать в Лыково, пощупать, увидеть, что получилось, и нельзя ли изменения, внесенные Чижеговым, использовать для новой серии. Не слушая никаких отговорок Чижегова, главный включил его в состав комиссии, и в начале декабря они поехали в Лыково.

На вокзале их встретил молодой незнакомый Чижегову инженер. Он представился начальником энерголаборатории, потряс руку Чижегова, не скрывая любопытства, что выглядело вполне естественно, тем не менее Чижегов тотчас замкнулся. Ни о чем не расспрашивал, отвечал односложно, держался позади. Впрочем, новый начальник сам словоохотливо сообщил, что Аристархов уволился месяц назад, завербовался на Север, якобы врачи рекомендовали сменить климат. Но это «якобы» прошло впустую, члены комиссии Аристархова не знали, а Чижегов промолчал.

Городскую гостиницу ремонтировали. Комиссию поселили при заводе, в доме приезжих. Работали до упора, ужинать отправлялись в ресторан. Главному конструктору, как нарочно, полюбился тот длинный стол за железными цепями... Чижегов сидел спиной к входу. Играл тот же оркестр, подавали тот же квас с хреном и пеклеванный хлеб.

Кира уехала не то в Новгород, не то в Москву. Новости сами упрямо настигали Чижегова. То кто-нибудь из лаборанток, то гостиничный знакомец, завсегда-толкач, обязательно выдадут про Киру: уехала на год, нет, насовсем, к жениху, нет, к мужу, да-да, был у нее муж-летчик, думала, что погиб, а он не погиб...

Толком никто не знал, ходили слухи, что Аристархов стрелялся или стрелял – словом, была какая-то волнующая любовь...

Затем Чижегов на рынке встретил Ганну Денисовну. В Лыкове трудно было не встретиться. Она сказала, что Кира действительно вышла замуж за бывшего летчика, приятеля первого мужа, уехала к нему в Москву, на авиазавод. Дочь ее пока живет в Новгороде. Квартиру свою Кира отдала дальним родным, оставила со всей обстановкой. Ганна Денисовна и осуждала Киру, и скучала по ней, и тревожилась. Она искала сочувствия у Чижегова, но его невозмутимость сбила ее с толку. Он не расстроился, не удивился скоропалительному этому замужеству. Присвистнул, будто вслед, и даже повеселел.

– Устойчивый ты мужик, – сказала Ганна Денисовна. – Тебя не сшибешь. Правду говорят: в любви добро не живет.

Чижегов засмеялся:

– Какая тут любовь. Утром был мил, вечером постыл.

– Да ты что, всерьез? Ну и ну. Ничего, я вижу, ты не понял.

– А чего тут понимать, все как на ладони, – сказал Чижегов.

Все эти месяцы он прожил в обиде; если вспоминал Киру, то сразу наткнулся на свою обиду, незаслуженную, несправедливую, и вместо тоски получалась злость, которая помогала ни о чем не жалеть. Теперь, узнав, как просто и легко все решилось у Киры, он торжествовал, он уличил ее. Совесть его успокоилась. Больше того: вышло, что в некотором роде он способствовал налаживанию ее судьбы.

Довольный его вид, руки в карманах новой выворотки, купленной с премии, раздражали Ганну Денисовну. Она переложила в другую руку тяжелую сумку с картошкой, поправила платок на голове. Высокий лоб осветил ее лицо, большие глаза. Она была еще приятна. Чижегов вспомнил гуляку ее мужа, Кира видеть его не могла, поэтому и ходила к Ганне в гостиницу. Он мысленно пожалел загубленную ее жизнь, обреченную так и сойти на нет, без счастья и любви.

– Все-то ты прохлопал... Изобретатель. Может, ты в чем другом умник, а тут ты дурень, – Ганна смотрела на него с жалостью. – Из-за тебя, может, она сердце порвала. А ты не заметил. Живешь ты, чувствуя как убогий, – разве это жизнь? Глаза есть, уши есть, а душа слепая и глухая.

– А-а, понятно, – протянул Чижегов. – Только информация у тебя, Ганночка Денисовна, односторонняя. Третьему тут не разобраться. Так что давайте не будем. Я ведь тоже мог бы...

Она вздохнула разочарованно.

– Боишься ты... Ладно. Как-нибудь сам дойдешь.

Простился с ней Чижегов сердито, однако с этого дня он почувствовал себя свободнее. Заснеженный этот городок с водозаборными колонками, обросшими наледью, с дымом из печных труб стал уютным и безопасным. Чижегов больше не сторонился знакомых, не обращал внимания на поджатые губы Анны Петровны, на козье, вытянутое ее лицо. Работа завершалась как нельзя более удачно. С ходу, без подсчетов и проб Чижегову удалось кое-что уточнить в схеме, и последние претензии комиссии и завода отпали. Главный конструктор разводил руками: ну медиум, ну виртуоз, откуда что берется...

Дирекция наградила Чижегова грамотой. Про его соавтора никто не вспоминал. Чижегову было неловко, но энергетик Илченко посоветовал не вмешиваться, поскольку директор не мог простить Аристархову внезапный, беспричинный его уход с завода.

– Костя Аристархов, между прочим, поступил рационально, – сказал Илченко. – Ему полезно климат сменить. Бабочки наши кисель из него сделали... Верить, конечно, можно всему. Ты, Степан Никитич, тоже... не ушам, так глазам веришь. А ведь есть и другое, – добавил он непонятно, но Чижегов не стал выяснять. И про Аристархова ничего не спросил.

Перед отъездом Чижегов отправился погулять. Незаметно, по морозцу, дошел он до Троицкого собора, спустился к причалу. Лед на реке был еще слабый. Жидко светила луна. Наверху по набережной шли машины, а здесь было тихо. Чижегов взял камешек, швырнул и долго слушал, как он скользил по ледяной глади, оставляя за собой длинный замирающий звон. Будто дрожащая струна натянулась над рекой. Будто длинный провод повис, соединяя Чижегова с тем, прошлогодним вечером... В такую же пору гуляли они с Кирой, вот здесь же. Оставив ее на берегу, Чижегов сбежал на лед. Подальше от берега тонкий лед гнулся, слышно было, как хлюпала внизу вода, потом треснуло. Чижегов побежал быстрее, но не назад, а вдоль берега. Звенящий треск гнался за ним. Кира вскрикнула и затихла... Чудом, по мерзлым бревнам, он добрался до мостков. Кира выговаривала ему за глупое удалство, и Чижегову было приятно ее волнение. «Лучше бы ты полюбовался, красота-то какая, – говорила она. – Лес вот одинокий, луга замерзли, первый снег, а почему-то такая печаль... Отчего? Каждое утро хожу тут и ничего этого не вижу. Вижу вот гонки прихватило, лес сплавить не успели... А сейчас хоть на колени становись». Она закрыла лицо руками, Чижегов гладил ее по голове и смеялся. «Ничего ты не понимаешь», – сказала она.

Теперь он отчетливо услышал тоску в том прошлогоднем ее голосе и подумал, что никогда как следует не знал Кире, знал лишь наружность, видимость, а не тот секрет, который и составлял ее саму, который и толкал ее на поступки необъяснимые. Он воспринимал ее, так сказать, в масштабе один к одному. С чего она вдруг от всего открестилась, растоптала... То утешала его, то избидела, оскорбила. И это замужество. И бросить кому попало квартиру... С чего? Что значит – разлюбила? Может ли так быть, что в душе ее что-то накапливалось. Вроде статического электричества. Черта с два теперь узнаешь, что там произошло. Какая-то слабая догадка мельтешила, но Чижегов отгонял ее, уверенный, что не могла Кира нарочно разыграть. Ради чего, спрашивается? Зачем ей было истязать себя так?

Припомнилось, как он наврал Кире про Новгород, про цацку, наврал назло, лишь бы дать сдачи. И про свою работу – «это тебе не шуры-муры вертеть»...

Он вдруг подумал – неужели все дело в том, что он не понимал ее? А если оттого и

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru любил, что не понимал и никак не мог разгадать. Но тут он вспомнил Ганну Денисовну. Она была права: оттого, что он не понял, он многое потерял. И вообще он многое, наверное, упустил. Однако если бы он все понимал и ничего не упустил, то Кира перестала бы его интересовать, потому что человек всегда интересен, пока есть в нем секрет... Тут заключалось противоречие, в котором он не мог разобраться.

Странно, откуда появилась грусть. О чем ему было грустить? Никого у него здесь не оставалось, дела завершились как нельзя лучше. Было жаль, что Кира никогда не узнает, как он сидел на этих мостках и думал о ней, и чувствовал печаль этой замерзшей реки. Про все догадался и перетолковал к лучшему то, чего и не было. Потому что никаких доказательств не существовало, все игра воображения. Ему вспомнился ее жестяной голос, глаза пустые, как пузыри на воде. Чижегов вскопчил, прошелся по морозно-скрипучим мосткам, глубоко вдыхая холодный воздух. От жгучей этой студености здоровый его организм наполнился чувством бодрости. И все стало выглядеть просто, Чижегов далее удивился – какие могли быть сомнения? Кто первый начал? Факт, что он явился к ней со всей душой, а она оттолкнула его. Пусть нарочно, тогда, значит, обидные упреки ее не соответствуют действительности. Перед кем угодно Чижегов мог бы оправдаться. Факты были на его стороне. Что касается психологии, то ведь можно допустить, что Чижегов наговорил на себя из лучших побуждений, выставил себя в невыгодном свете, взвалил наспралину, поскольку он мужчина...

Позднее ему стало казаться, что так оно и было.

В сущности, у него не осталось никаких поводов возвращаться к этой истории. Тем более что в судьбе его с этого времени начали происходить счастливые перемены. После лыковского успеха Чижегова назначили руководителем группы. На новой должности неожиданно для всех обнаружилась в нем деловая хватка, самостоятельность суждений. По-видимому, долгие годы командировочных заданий, где приходилось полагаться лишь на собственное чутье, не прошли даром. До сих пор его дело было регулировать, отлаживать эти созданные другими приборы. Сейчас он с наслаждением хозяйничал над схемами. Так что лыковские неприятности в итоге, можно считать, пошли на пользу Чижегову. Однако когда главный конструктор, похвалив очередное его решение, обронил, что все, мол, началось с Лыкова, Чижегов взорвался: «При чем тут Лыково, – закричал он, – хватит меня попрекать Лыковым!..» Потом он опомнился, извинился, но вспышка эта его самого испугала. Он всегда мог управлять собой, если он знал, отчего ему тяжело, тут же он обнаружил в себе тоску, глухую, прочную, неизвестно о чем. Она тлела в глубине без мыслей и воспоминаний. Иногда она вырывалась, и на Чижегова нападало полное безразличие ко всему, как будто внутри у него все было выжжено. О Кире он не думал, тоска грызла его сама по себе, беспричинная и слепая.

Единственным лекарством оставалась работа. Вместе с работой возвращалось ощущение силы, он наваливал на себя все новые заказы, и, хочешь не хочешь, надо было тащить эту ношу. Раньше он жил по правилу: чем меньше делаешь, тем меньше надо делать. Теперь чем больше он работал, тем больше у него набегало работы, и это его устраивало. Тоска была недостойной слабостью. Он презирал себя за то, что не мог справиться с ней. Он упрямо учился одолевать ее, но, может, ему помогало время, которое всегда помогает незаметно.

Первый год он не брал отпуска, только на следующее лето выбрался вместе с женой и младшим сыном на юг. В Ростове самолет задержали из-за непогоды. Чижегов сидел в павильоне, читал газету, наслаждаясь покоем начинающегося долгого отпуска. Изучая таблицу футбольных игр, он вдруг поднял голову и увидел за стеклянной стеной Киру, она шла с высоким седым мужчиной, он держал ее под руку. Короткая стрижка с челочкой молодила ее, большая вышитая сумка висела через плечо, белая маечка туго обтягивала располневшую грудь. Сыпал мелкий дождь. Голые плечи ее мокро блестели. Чижегов встал, и Кира посмотрела на него, она как-то сразу выделила его среди множества людей в павильоне. Она сделала движение вперед и тотчас отпрянула, глаза ее расширились. Мужчина что-то спросил ее, за толщей стекла сцена происходила безмолвно. Чижегов увидел ее испуг, она сделала какой-то жест, неконченный, не то растерянный, не то умоляющий. Пока Чижегов миновал путаницу скамеек и выскочил наружу, ни Кире, ни ее спутника уже не было.

Дождь в чужом городе. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
В толпе у камеры хранения мелькнула белая маечка и эта яркая расшитая сумка, но Чижегов не стал догонять. Некоторое время он, однако, еще стоял, как бы ожидая – не броситься ли за ней. Нет, не бросился. Он мог быть доволен собой. Но как же он дождался до этого? Когда-то он мечтал встретить ее и пройти мимо, а сейчас испытывал лишь разочарование и неловкость.

Он вернулся. Валя посмотрела на него вопросительно.

– Знакомая, еще лыковская, Кира Андреевна. – Он произнес ее имя без всякой запинки.

– Чего же это она убежала? – спросила Валя.

– Сам не знаю, – искренне ответил Чижегов. – Чудачка. Поцапались мы с ней перед отъездом, ну и что?

Он говорил с такой досадой, что Вале и в голову не могли прийти какие-либо подозрения. Да и сам он недоумевал – с чего Кира так испугалась. Обоим приятно было бы поговорить, узнать друг про друга. Что было, то сплыло, но ведь не враги же они...

В самолете, посасывая карамельку, Чижегов не торопясь словно бы рассматривал моментальный снимок Киры: бледнеющее ее чужое лицо, тяжелую фигуру. Неужели когда-то он готов был лишиться себя жизни из-за этой женщины? С удивлением он вспоминал ту ночь, не понимая себя, не веря тому, что это происходило с ним. Почему тогда все казалось таким безвыходным? И как же, каким образом все улеглось, образовалось? Выходит, все, что тогда было, все его страдания были наваждением, глупостью?

Было грустно, что все это, отдаляясь, становится забавной, а в сущности, обычной историей.

Самолет пробился сквозь облака, стало солнечно и сине. Сплошная пелена облаков опускалась вниз, с изнанки они лежали красиво и мягко белым каракулем. Ничто уже не напоминало о дождливой хмари внизу. И вдруг Чижегов позавидовал тому прошлому своему безумию. Нет, он не хотел бы снова это повторить и понимал, что жизнь, которую он ведет, правильная, честная, полезная. Но чем-то она напоминала эту солнечность и невозмутимую ясность, которая царила здесь, в вышине, в любую погоду. Странно, думал он: тогда было так плохо, столько горя и стыдных поступков, – как же можно завидовать этому?..

1973

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!